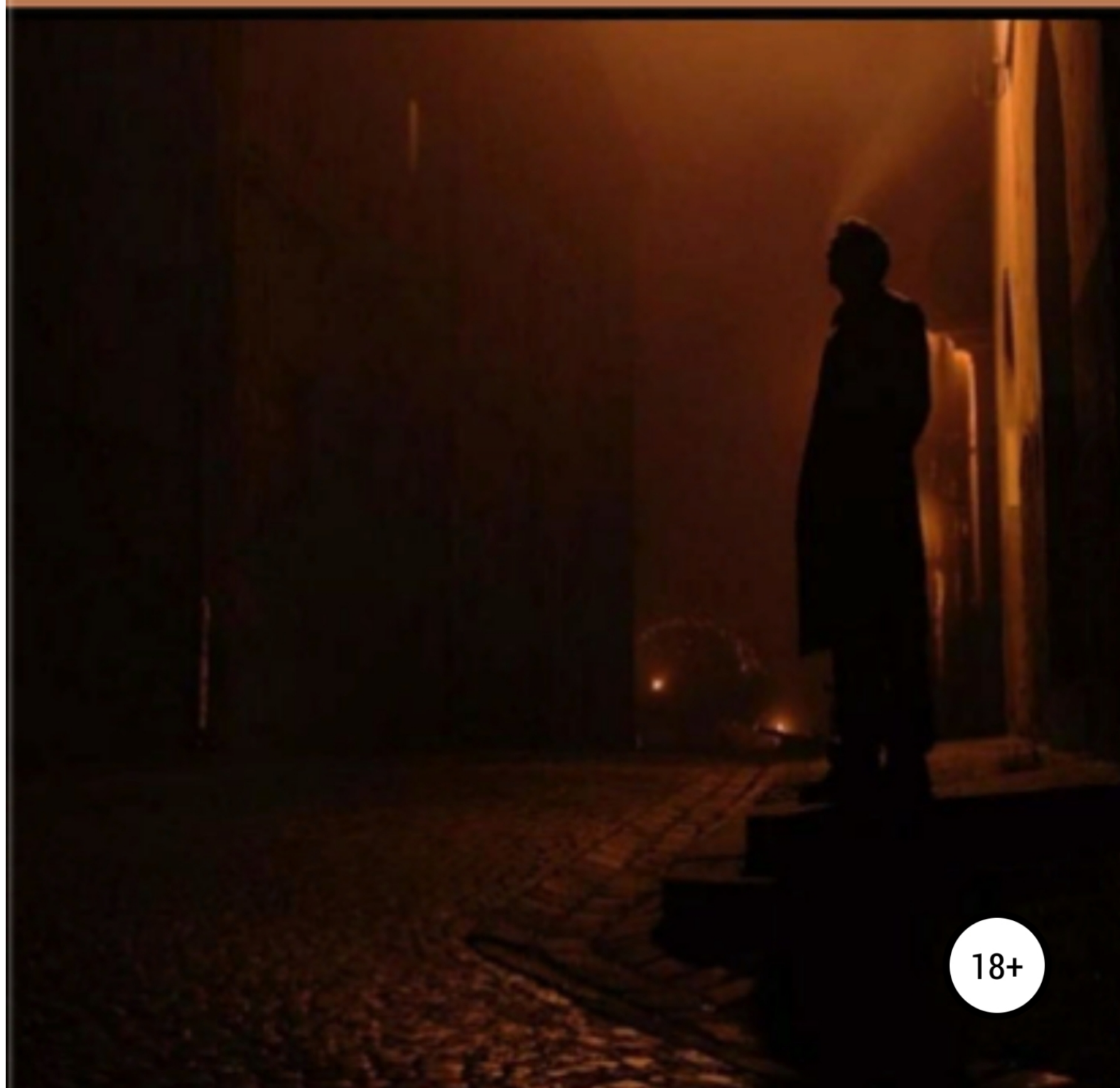

АЛЕКСЕЙ СТРАВИНСКИЙ

Широко открытое небо

18+

Алексей Стравинский
Широко открытое небо

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Стравинский А. А.

Широко открытое небо / А. А. Стравинский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

«Широко открытое небо» — это история о том, как можно сохранить свой внутренний свет, несмотря ни на что. О том, как вызывающая отвращение личность становится благодетелем. О том, как можно найти источник сил в горе и суметь простить себя за свои поступки. Эта история о переросшем в самопожертвование саморазрушении. История Стивена, падшего человека. Когда от парня отвернулись все, на него обратил внимание «Гость». Вместе со Стивеном он надеется помочь людям в созданные ими же тяжелые времена.

© Стравинский А. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Звездопад	6
Пробуждение	14
Ад	28
Большая прогулка	42
Новый день	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алексей Стравинский

Широко открытое небо

– Ты никогда не должен жалеть об этом, ведь то, что сейчас с тобой происходит, делает все события твоей жизни важными и значимыми. Всё имело смысл! Всё плохое, что случилось с тобой и другими людьми из твоей жизни привело тебя сюда! Миллионы людей умрут, так ничего не осмыслив, хотя каждый из них смог бы сделать много хорошего!

Звездопад

1

Их было двое. Главным их отличием друг от друга был возраст. Как не ломай голову – не узнать точных чисел. Тот, что старше, уже давно был седым. Его белые волосы были чуть ниже плеч. Борода опустилась практически до основания шеи. Белая, как чистый снег. Лицо его было по – стариковски морщинистым. Голубые глаза смотрели на мир так, будто бы глядящему известно о нём практически всё. От этого в них был неподдельный интерес к окружающему миру. Там же было и лёгкое волнение за то, что ждёт его впереди.

Белый хитон, бледная кожа. Босые ступни, что неспешно ступают по тонкому зеркалу воды.

Второй был порядком моложе, но был он совсем не юным.

Он был выше. Голова его была свободна от волос. Глаза идущего в чёрной мантии не поддавались никакому словесному описанию. Что о них не говори – всего мало, всё пресно. Тонкие, длинные руки не выдавали той невообразимой, затаившийся в них силы. Ноги его были так же худы, так же сильны.

Он полон спокойствия и уверенности. Время пришло. Чутье его не подводит. Все предпосылки к нынешнему остались позади. Всё, что должно было произойти – произошло. Больше думать не о чём. Он уже здесь.

– Ты не бывал там раньше, ведь так?

– Нет, – покорно ответил спутник старца. – По – крайней мере, мне это неизвестно.

Тишина. Оба думают.

– Многое позади, но такого ещё не было, – сказал седовласый, глядя себе под ноги. От них растекались водяные круги. Эта беспечная поверхность не знала тревоги уже очень много лет.

– Ты выбрал хороший путь, – добавил он к своим словам.

В ответ тишина.

– Если у тебя всё получится – вместе с ним вы сможете изменить мир в лучшую сторону. Сейчас это особенно важно. Посмотри на них!

Он смотрит:

Как они изменились... Чем больше света они сотворили своими силами – тем меньше света осталось в них самих. Теперь его практически не видно.

– Как давно они начали угасать? – спросил он старшего.

– По их жизненным мерам – да. Два – три тысячелетия.

Он слушаю:

Их мысли... Ему непонятно, о чем они думают. Раньше подобное исходило от прочих землян – всего живого на планете. Их можно было услышать в стаях зверей, но не в людских головах, ведь люди особенные!

Страх... Равнодушие... Порок... Теперь они очень слабы.

– Почему это с ними случилось?

– С ними всегда так происходит. Это свойственно их натуре. Хорошие времена рожают слабых людей.

– Вчера были хорошие времена, – сказал он.

– Да, – вдумчиво ответил старец.

Молчание. Они думают, глядя на пролетающие над идеально ровной линией горизонта облака.

– Так было всегда, – он протянул руку вперёд. – Давай пройдемся ещё немного, мой друг.

Они продолжали идти по чистейшей и тончайшей водяной глади, которая здесь повсюду.

От горизонта до горизонта. Облака внизу, облакаверху.

– Очередной цикл приблизился к концу. Нам пора снова браться за дело.

Его спутник бросил на него короткий взгляд. Кивнув.

– Вы нашли корень зла? – спросил он.

Старец легко рассмеялся. Завёл руки за спину. Одна ладонь нашла вторую.

– В этот раз есть тысячи причин. Тебе будет нелегко и результат твоей работы повлияет на то, насколько тяжело нам будет в следующий раз. Понимаешь?

Снова кивнув. Посмотрел вверх. Облака прикрыли свет.

– Тебе придётся бороться едва ли не с самой большой для них опасностью. Тебе нужно будет пробудить их души и разум. Мы ответственны за них, не забывай этого, когда будешь с ними!

– Разумеется.

Шагают. Подул ветер. По воде пошла лёгкая рябь. Проглядывающее местами сквозь облака солнце заиграло в ней бликами.

– Ты сделал выбор?

– Да.

Старец одобрительно кивнул головой.

– Я верю в тебя!

– Я вас не подведу.

Оба остановились.

Морщинистая ладонь легла поверх чёрной мантии.

– Тогда лети.

Недолго проводил старца взглядом, он расправил крылья, оттолкнулся от поверхности. Рябь под его ногами стала сильнее чем та, что появлялась здесь от ветра. В воздух взмыли кристально чистые капли воды.

Облака всё ближе. Вскоре он растворяется в них.

Этой ночью с неба падало множество звёзд. Персеиды щедро освещали чёрное полотно яркими линиями, которые после миллиардов лет скитаний в космосе нашли своё место на планете земля. Это небывалое и недоступное для многих других обитателей вселенной зрелище вызывало неподдельный интерес лишь у горстки людей.

Как же так? Что же для них может быть настоящим сокровищем, если им не нужна красота ночи? Что же у них есть такого, что можно променять на ночной звездопад? Они не смотрели вверх. Большинство землян смотрели себе под ноги, а, чтобы их ноги не обо что не спотыкались, они развесили миллиарды ламп.

Теперь звёзд совсем не видно. За ослепляющим городским заревом никто не увидел длинный шлейф белого огня, который остался после падения на землю чего – то чрезвычайно важного, особенного и крайне нужного для каждого землянина. Сегодня они не узнают о том, что в их мире появился такой необходимый некто. Об этом они не узнают никогда. Всё человечество, кроме одного человека.

Надень тёмную одежду, в идеале накинь на голову капюшон. Смотри себе под ноги, и ты будешь невидим. Так делают многие из них. *Гостю* же достаточно захотеть показаться. Если он этого не захочет – его никто не увидит. *Гостя* чувствуешь, но сейчас это практически

невозможно. *Гостя* чувствуешь добром, счастьем и любовью – набор среди землян не пользующийся особым спросом.

Несколько деревьев охвачено пламенем. Несколько десятков метров земли вокруг места падения выгорело. Кратера нет, воронки тоже. Не метеорит же это был, в конце – то концов.

Ему сразу стало плохо. Он и подумать не мог, что здесь ему будет настолько противно. Его тело начало крутить. Наверное, это боль. Он слышал о ней много раз, но представлялась она иначе.

Это рождение. Без боли никак. Нужно потерпеть. Нужно найти подходящее место и подождать.

Есть менее светлые улицы. Здешние обыватели могли бы увидеть падение, но интереса им от этого никакого. Они заняты своими делами. Здесь рыщет зло. Оно ищет очередную жертву. В идеальном случае – одинокую и незащищенную.

Накинув на голову капюшон, Стив скрылся в тени длинной арки. Стоит и курит. Ждёт. Мимо проходят двое парней.

Нет. С ними ему мне справиться.

Выкуривает ещё сигарету. Каждый раз одно и то же. Нервы. Возможно, просто плохо. Хуже, чем обычно. Нервничать он никак не должен, ведь дело для него привычное. Но он нервничает.

Слышится стук каблуков. Прижимается к стене сильнее. Из-за угла появился силуэт. Девушка, худенькая. И бежать не сможет. Сумочка легонько раскачивается на плече.

Сто метров. Тишина и стук каблуков, точно тиканье часов. Стрелка ближе, ещё ближе. Без четверти полночь, без пяти. Тишина и тик – так. Наступает полночь. Бросок. Крик. Удар. Ещё удар. Уже ненужные удары ногами. Бег.

Стив бежал ровно столько, насколько ему хватило дыхания и сил в ногах. Последние их капли были потрачены на преодоление забора. Впереди заброшенный офисный центр. Известное место, даже популярное, но лишь в определённых кругах. Для Стивена это место ничем не хуже и не лучше других. Ему всё равно. Главное для него – остаться незамеченным. Очень важно, чтобы его не обнаружили постояльцы темных углов заброшенного здания.

Его руки трясутся. Не мешкая, он высыпал всё содержимое сумочки на грязный бетон. Косметика летит в сторону. Ключи вслед за ней. Телефон в карман. У этой таблетки. Тоже в карман. Позже посмотрит, мало ли, что с ними можно сделать. Кошелёк. Внутри документы и деньги. Последнее в карман. Остальное летит в темноту. Руки трясутся ещё сильнее. По лицу катится пот. Какие – то книги, тетради.

Шорох.

Что – то стеклянное покатилося в темноте справа. Безумные глаза напряжены до предела. Ничего не видно. Снова шорох. Снова что – то катится.

Рывок, забор, бег.

Одно из самых гнусных заведений города. Сегодня его двери открыты для Стива, лишь потому – что сегодня у него *появились* деньги.

Задымленная дурманящим дымом квартира. До пугающего худые тела повсюду. Пустые взгляды. Пустые шприцы.

Главная комната. Красная дверь. Красная дверь открывается. Внутри два человека – курят и играют в карты за небольшим столом. Стивен падает в ноги того, что справа. Он дошёл до *оазиса*. Теперь сжальтесь. Все силы были потрачены на тяжёлый путь.

Дайте воды, поднесите её к губам, прошу

Мятые, грязные купюры сжаты в кулак. Он протягивает его вперёд. Раскрывает. Цветок распускается.

Карты на стол. Забрав деньги, тот, что справа открывает хлипкий шкаф. Он берет оттуда шприц, хватая со стола жгут, склоняется над Стивом и... подносит к его губам прохладную воду, живительную, спасающую его от гибели. Полу мрачная комната становится ещё темнее. Позже Стивена крепко схватят за ноги и вытащат в коридор. Там он ничем не отличится от других. Ещё одна худощавая кукла со стеклянными глазами. В коридоре шевелится лишь дым – медленно, словно надзиратель. Красная дверь закрывается.

2

Прошёл земной год. На месте падения Гостя всего за год вырос высокий, с широко раскинувшимися ветвями дуб. Его корни накрепко ухватились за землю. Никакие звери не приближались к нему уже несколько дней. Они что – то чувствовали.

По стволу дерева пошла трещина. По лесу разлетелся приглушенный хруст. Внутри дуба кто – то бьётся. Ещё трещина. Ещё удар. Треск, удар. Кора отлетает в сторону. Гость проснулся. Босая нога ступает на вновь зелёную землю. Он вдыхает полной грудью. Воздух грязен, но теперь ему не так противно, как в ту ночь, да и боль теперь нет.

Он спускается по тропе. Дуб позади него падает, мигом усыхает и загорается. Гость не оборачивается. С каждым новым шагом к нему приходит больше осознания того, что это место не так уж и плохо. После первым контактом с человеком его мнение чуточку изменится, но пока он здесь один.

Гость подходит к бегущему в низине ручью. Останавливается.

– Как красиво, – прошептал он.

Солнечные блики заиграли в хрустале воды. Наверное, она холодная. Ему когда-то рассказывали об этом.

Он аккуратно ставит ногу поверх воды. Ставит вторую. Шагает. Ощущение не те, что прежде. Прошагал по воде несколько метров, он поднял руки кверху и его ноги медленно опустились на каменистое дно ручья. Они в воде почти по колени. Длинные ступни его ног начали причудливо извиваться и искажаться от преломления водой.

– Невероятно! – Гость улыбается.

Его глазу – неподдающиеся полноценному описанию – искрятся от радости. Шагает. Вода разлетается в стороны. Найдя место поглубже, Гость ныряет под воду с головой.

Тусклый свет режет глаза. Чьи-то стоны режут уши. Вены не стонут.

– Вставай... – пустым голосом стонет какая – то девушка. – Ну же, вставай.

Стив медленно повернул голову на шум. Жёлтый полумрак коридора пугает. Людей в нём стало меньше, дыма тоже.

До ненормального худая девушка качает плечи такого же хилого, как и сама, парня.

– Вставай...

Остекленевший взгляд, открытый рот. Марионетка без нитей, кукла без кукловода. Тело без жизни. Просто тело.

Стивен чуть приподнялся. Сел, оперся о стену. Он отметил для себя, что физически ему стало намного лучше. Вчерашний вечер не вспомнить. Не вспомнить, как он попал сюда, что он сделал для того, чтобы попасть сюда. Позже воспоминания нагонят. Так всегда. Позже он снова ненадолго возненавидит себя. Он готов к этому. Страх по поводу содеянного уже зародился

глубоко внутри. Скоро он, как зубной нерв оголится и будет ежесекундно напоминать о себе. *Напоминать о содеянном.* Он ни за что не оставит парня в покое.

Рядом с ним умер какой – то парень. Стивену обоснованно стало не по себе. Наверняка в как-нибудь миг он кончит точно так же, как и этот несчастный.

– Оставь его, – сказал он. – Ты же видишь, что он мёртв.

Девушка замирает. Переводит взгляд с мертвеца на... пока живого мертвеца. Её рот безучастно приоткрыт, громко дышит. Глаза – стёклышки заблестели. Шероховатая, жёлтая кожа её лица от напряжения покрылась глубокими морщинами. Её руки будто выключились по щелчку. Тело парня с тихим стуком падает на пол. Девушка рыдает, встаёт, опираясь одной рукой о грязную стену, идёт к выходу. Яркий свет лестничной площадки врывается в полумрак квартиры. Все находящиеся в коридоре люди зашевелились. Они будто они демоны или вампиры, которым солнечный свет причиняет больно.

Стив оставил их, закрыв за собой двери. Накинув капюшон на голову, он снова растворился в толпе.

Я ненавижу себя! Что я снова натворил? Где я нашёл деньги?

Совість вновь нашла возможность вырваться наружу. Это ненадолго. Жажда вернётся. Она всегда возвращается. Когда это происходит – плотная, невидимая стена железобетона глушит всякие моральные и физические чувства. Стив жив только сейчас. В этот короткий промежуток времени он может чувствовать себя живым человеком, если, конечно, ему удастся забыться достаточно сильно и не думать о том, какой жизнью он живёт.

Шарит по карманам. Пусто.

Может в этот раз он поступил более грамотно?

Нужно осмотреть тайник.

Заходит в автобус. Едет пару – тройку остановок. Водитель недолго косится на Стива и отступает.

Выйдет без денег. Пусть катится.

Стив отворачивается. Отворачивается от всех и смотрит в грязное окно, в котором время от времени появляется чьё – то отражение. Синюшно – бледный человек с темными глазами, очень и очень пугающими тем, что внутри них. Водитель автобуса разглядел это. Он знает, что лучше спокойно прокатить парня. В скандале хорошего от таких людей не жди.

Дверь открылась, Стив вышел, и ему показалось, что все находящиеся в автобусе люди облегчённо выдохнули. На самом деле так оно и было.

Идёт по чистой улице. Опухоль на теле общества. Он нагнетает себе всё намного сильнее, чем оно есть. Почти всем прохожим нет до этого парня никакого дела. За день они увидят таких ни один раз. Худощавый, бледный оборванец, грязный и вонючий. Им движет жажда. Он опасен, он глуп и вообще – лучше бы его не было рядом с нами! Мысли миллионов, но признаются себе в этом только тысячи.

Мотылёк, летящий на огонь...

Чистая, светлая кожа. Лысая голова, невообразимо выразительные глаза. Тонкие, длинные пальцы и что – то ещё... Что – то в нем есть! Люди это чувствуют. Почти каждый из толпы бросил на него взгляд. Гость знает, что дело не в том, как он одет. Подумаешь, тёмная мантия и босиком. Дело в том, что скрыто под ней.

Улыбается! Ему нравится реакция людей. Людям не по себе. Они чувствуют дискомфорт. Лишь единицы чувствуют приливы радости и счастья. Лозунг большинства таков – мы ненавидим радость и смех.

Черные души, рядом немного белых душ. Смешай их вместе и получится серая масса. Пока – что не всё так плохо.

Гость улыбается ещё шире. Идеально ровные, белоснежные зубы едва не переливаются в лучах солнца. Начинает смеяться. Шагает, улыбается, смеётся. Прямо – таки искрится от радости! Шагает дальше и исчезает в толпе. Не как все. Он просто захотел стать невидимым.

К сожалению люди ничего не поняли. Спустя несколько секунд после того, как Гость исчез, они о нём забыли. Все продолжают идти по своим делам. Серая масса растекается в разные стороны.

3

Стивен ворвался в глухой проулок. Ему становится легче. Здесь комфортнее. Грязь, мешки с мусором. Бродяга с собакой. Что – то жуёт. Провожает Стива взглядом из кучи мусора. Даже перед ним парню становится не по себе. Стивен знает, что он хуже, намного хуже бродяги.

Лучше бы его вовсе не было

Он соглашается с этим.

Поднимается по пожарной лестнице. Отдышка. Ослабевшее за годы жизни наркомана сердце снова даёт о себе знать. Бьётся, очень быстро и сильно. В ушах становится горячее. В них нарастает гул. Становится страшно.

Одиннадцатый этаж. Добрался. Нужно немного отдышаться. Начинает подташничать. Закололо в правом боку.

Бродяга слился с кучей мусора. Солнце пытается ворваться в узкий проулок. Здание отбрасывает на кирпичную стену косую, длинную тень. К вечеру солнце снова пройдёт между двумя домами, потревожив собой всякого, кто ему не рад. Потемневшие от множества слоёв грязи шторы на окне Стива избавят его от этой участи.

Небольшие усилия и, издал раздражающий деревянный шорох, окно поднялось вверх. Переступил. В нос ударил спёртый воздух. Отставив окно открытым. Нужно хоть немного проветрить помещение.

Грязный матрас в левом углу комнаты. В противоположном углу небольшой телевизор. Сверху него древняя антенна. Телевизор Стивен не смотрит. Он всё ещё не попал в ломбард лишь потому, что сам по себе он не представляет никакой ценности. Потрескавшийся лак на косом шкафу напоминает ветки голого дерева. Рядом стол. На нем пустые бутылки, под ним тоже. Пепельница уже давно полна под завязку. Рядом крупный окуроч. Стив берет его, закуривает и идёт дальше.

Пустой, совсем небольшой коридор. В каждом углу по паре – тройке пауков. Кухня. Жёлтое от табачного дыма жалюзи не впускают солнце внутрь. В мусорном ведре всё давно сгнило до такой степени, что теперь уже и не воняет. Открывает холодильник. Пара банок чего – то зелёного, с плесневой шапкой. В морозилке пусто. Нет даже и льда. Только вонь. Стивен знал, что в квартире нет еды. Он искал что-то другое.

Стол с единственной выдвижной полкой. Тащит на себя. Улыбка обнажает жёлтые зубы. Окуроч бьётся о стену, от неё рикошетит в другую и падает на грязный пол. На изодранных, грязных обоях появилась ещё одна небольшая точка от пепла.

– Молодец, – прошептал он.

Перед ним несколько измятых банкнот. Телефон. Вроде неплохой. Что за таблетки?

Глаза бегло пронесли по упаковке. Какие – то полу размытые слова на непонятном ему языке.

Может выпить их?

Позже.

Сунул их в карман. Переместился в комнату с матрасом и аккуратно, так, будто бы у него болело всё тело, улёгся на него. Телефон без пароля. Много пропущенных с разных номеров. Много фотографий красивой девушки. Есть фотографии детей. Снова девушка – явно хозяйка телефона – теперь уже, с какими – то фотографиями в руках, счастливо улыбается. Она в белом. Что это на ней? Халат?

Да, халат. А ещё фотографии с УЗИ. В руках первые фотографии её ребёнка.

Разряд. Боль. Совесть. Тело застыло. Мозг анализирует. Стив понимает, что вчера вечером он в очередной раз превзошёл сам себя. Возможно это и не так, но сегодня он впервые точно знает, что минувшим вечером он напал на беременную девушку. Толкнул её, бил. Уже ненужные удары ногами. Деньги, телефон, таблетки ... цена, которая могла приравняться к жизни, или даже к двум жизням.

Отлив. Вода уходит. Совесть отступает. Все фото удалены. Контакты, сообщения. Телефон пуст. Нужно от него поскорее избавиться.

У двери раздались какие-то шорохи. Стив замер. Прислушался. Услышал их снова.

Полиция? Соседи?

Друзей нет. Родственники не навещают к нему уже много лет. Последний раз он общался с ними около пяти лет назад. Может больше. Да и кроме них к нему никто не приходил уже ой как давно.

Скрип половой доски под дверью. Стив аккуратно встаёт. Крадётся к двери. Пока всё тихо. Снова замирает в нескольких метрах от неё. Тишина. Слышно собственное сердцебиение.

Бум – Бум.

Шорох, скрип.

Сглотнув слюну, Стив шагает дальше. Он у двери. Глазок грязный. Протёр его кончиком пальца. Смотрит. Там никого. Оборачивается. Чёрная штора колыхнется на ветру.

Скрип.

По телу пробежала лёгкая дрожь. Снова к глазку. По-прежнему никого нет. По лицу покатился пот. Пара шагов назад. Воздух точно наэлектризован. Все волоски встают дыбом. По коже прошёлся холодок.

Сзади кто – то есть.

Тело начинает трястись. Капли пота срываются с подбородка. Глаза Стивена полны страха. Дыхание дрожит. Оборачивается.

Никого нет.

Тонкий, тихий скрип. Входная дверь медленно поползла с места. В квартиру проникла чья-то тень. Она продолжает двигаться.

Громкий удар. Окно сорвалось вниз. У Стива едва сердце не остановилось. Снова взгляд на дверь, за порог, в коридор. Тень движется.

Стив бросается на дверь, запирает её. Хватает с матраса деньги и телефон. Открыл окно, выскочил на пожарную лестницу. Закрыв окно. Безумно быстрый бег по поржавевшему металлу. Падает, встаёт. Мусор переулка всё ближе.

Перескочив последнюю ступеньку, парень накидывает на голову капюшон. Бросает взгляд на выделяющееся от прочих своей чернотой окно одиннадцатого этажа. Штора отодвинута. Кто – то стоит у него и смотрит на Стива.

Отвернулся. Сжался. Ускорил шаг.

Бродяга гладит собаку, улыбается. Красноречивое выражение неизвестного Стиву знания.

Вновь взгляд на грязное стекло – там никого.

Руки холодеют, на коже лица собирается пот. Под одежду проскальзывает холодный сквозняк.

Страх... страх вернулся. Он всегда возвращается. Железобетонная стена вновь вырывается из-под земли.

– Чего это я? – пробормотал он, сбив с лица ладонью холодный пот. Таких страшных, живых галлюцинаций у него не было.

Покинув постепенно наполняющийся солнечным светом переулок, Стив снова лишился чувства совести. В ближайшее время о девушке он не вспомнит. Сюда сегодня он не вернётся.

Пробуждение

1

Кто – то молится. Гость долго вслушивался во всеобщий гам. Он точно нашёл долгожданную радиостанцию среди океана помех, гудков и тресков.

Три фонаря растянулись на тротуаре, длиной в футбольное поле. Между ними плотная тьма. Между ними скамейки. На одной из них – на той, что во тьме – сидит Гость.

Скинув с головы капюшон, он пробежался по фасаду дома напротив. Серое в свете дня семнадцатизэтажное здание в ночное время кажется абсолютно черным и пугающим. Никто не должен жить в таком доме, но многим людям приходится жить в местах и похуже. Семнадцатизэтажный муравейник больше походит на заброшенный много лет назад дом. Брошенный и пустой изнутри мир.

В редких окнах свет. Молитва слышится из тьмы.

Гость встал. Не до конца поверил своим ушам – пока что – зашагал к дому. Он уже знает, из какого именно окна женщина вызывает о помощи.

Гость остановился в полуметре от фасада. Мир накренился. Битый асфальт за спиной. Под ногами трескается плитка фасада. Она тут же осыпается в тех местах, куда ступал Гость.

Следы на снегу....

Подойдя к нужному окну, он присел. Заглянув в него, как в открытый люк. Увидел детскую комнату, в которой единственным источником света был едва светящийся ночник тёмно-синего цвета. Он будто угасал и вот – вот погаснет безвозвратно. Последний рубеж сдерживающий тьму. Как хорошо, что в него можно всего-навсего поставить новые батарейки.

Женщина затихла. Встав с колен, она поправила укутывающее ребёнка покрывало и вышла в тёмный коридор. Тёмный, непроглядный и пугающий точно такой же, как и сам дом.

Гость закрыл глаза, открыл глаза. Теперь он сидит на полу детской комнате. Тихо стал на ноги. Слушает:

Тонкое, ровное дыхание. У ребёнка бьётся сердце. Он не только слышит это, но и чувствует. От неё во все стороны расходятся волны тепла, ритмично и ровно. Гость подходит к кровати. В ней совсем маленькая девочка. Ей около года отроду.

Что – то не так. Такого с ним никогда прежде не было. Волнение – новая эмоция. Она выдёргивает его из привычного внутреннего мира.

Почему? Как с ним вообще может происходить что – то подобное? Почему это происходит сейчас?

За стеной тихо плачет мать дитя. Здесь всё куда хуже, чем показалось с первого взгляда. От волны до волны проходит больше времени. Теперь меньше. Гость аккуратно стянул с девочки покрывало. Он видит внутри её груди яркий, пульсирующий огонёк. Он переливается. От жёлтого к красному цвету, от красного к пурпурному цвету. Переливы практически всех цветов радуги. Девочка поворачивается на бок. Среди прекрасных огней показалось тёмное пятно. Такое же тёмное, как и фасад дома, как свет в его окнах и как тьма коридора. Пока оно совсем небольшое. Пока. Придёт время, и светиться сердце будет не ярче ночника в комнате. Позже оно угаснет навсегда. Как скоро?

Гость знает, что девочка не доживёт и до десяти лет. Она умрёт в больнице, пока её мама будет тихо молиться, и плакать за стеной палаты. Её давно покинувших их отец в это

время будет пить тёплую водку в дешёвом и грязном, вонючем, задымлённом сигаретами полу мрачном баре с такими же падшими людьми, как и он сам. Разумеется, он далёк от осознания нехитрой истины.

Даже в столь гнусном создании на короткий миг, абсолютно ни с того, ни с сего, вдруг появиться чувство отцовского волнения и тревоги. Он вспомнит о своём ребёнке, о жене, которую он неоднократно избивал под героином, дурью, паршивым алкоголем или просто так – плохое настроение. Возвышай себя унижая других – как инструкция к личностному росту мерзавца. Уже много лет он возвышается за счёт других. Этим он занимался и сегодня, но, вдруг, давно обугленное сердце почему – то зашевелилось, совсем чуть – чуть. Луч света, луч надежды. Звезда, ведущая к спасению... но самодур поскорее закуривает, вливает в себя две подряд полные рюмки тёплой водки, ставит грязный стакан на грязную стойку и известным всем завсегдатаям бара жестом просит повторить.

Дверь бара закрывается с оглушительным грохотом. Тьма сгущается.

Любящая, почти святая мать горько плачет. Руки девочки расслабляются. Плюшевый мишка падает на кафельный пол больницы.

За окном рассвет. Гость покидает комнату. Ему очень хочется изменить ход событий, но он перед ними бессилен. Ему не спасти девочку.

2

Наверное одно из лучших ощущений в жизни – чувствовать себя человеком... живым, счастливым, не обречённым, *независимым*. Стив порой мечтает о такой жизни, но каждый раз он входит не в ту дверь.

Три стука. В ответ тишина. Стучит ещё. Внутри послышалась возня.

– Кого черт принёс?

– А ты погляди в глазок, – брякнув Стив.

Щелчок замка. Дверь приоткрылась. Лица не видно.

– Стив, ты? – дверь открылась шире.

Стивен молчит.

– Конечно ты. Только от тебя может так разить.

– Заткнулся бы ты, – не дождавшись приглашения, парень вошёл в квартиру, протиснувшись между дверным откосом и полноватым, низким Джоном.

– Башмаки снимать не учили, свинота? – брякнул хозяин жилья, прикрывая дверь.

Поросёньи глазки Джона полны пренебрежения. Он знает, зачем пожаловал Стивен. Он всегда приходит лишь с одной целью. Никаких вопросов. Немного ожидания.

Закурил и ждёт, опершись плечом в стену, когда – то оклеенную белыми обоями. Те уже давно стали жёлтыми от курева и прикосновений грязными рюмки. Та же участь настигла и зубы Джона.

– Если я их сниму – мы оба задохнёмся, поэтому давай не выходить за прежние рамки, – злобно отрезал Стивен.

Джон опустил взгляд на свои потные пятки. Кивнул, сделал затяжку.

– Доставай, – брякнул он, почёсывая лысую макушку.

Стив передав второму телефон. Тот поглядел на него со всех сторон, пошевелил густыми усами и сказал:

– Да на нем кровь, Стиви. – Приподнял бровь, снова крепко затянулся и пустил густую струю дыма.

– А тебе давно не всё равно?

Джон опустил взгляд на телефон, несколько раз подкинул его в руке.

– Полсотни, Стиви, и имей не забывай кое – что: если ко мне кто заявится с вопросами о телефоне – я тебе выдам, не сомневайся в этом. Ты редкостная мразь и я догадываюсь, где ты его взял.

Стив молча протянул руку вперёд, глядя куда – то на пол.

Джон потёр нос тыльной стороной ладони, сунул руку в карман грязных шорт и достав оттуда пару двадцаток и одну десятку. Он даже не рассматривал вариант более высокой цены за телефон. Отдал случайно попавшие в карман деньги и все на этом. Все всегда согласны. Лишь некоторые просят больше, тщетно пытаются торговаться, и только единицы могут действительно вытрясти из жирного, низкого и лысеющего, вечно воняющего потом человека немного больше. Джон призывает и хает подобных «друзей».

На самом деле телефон можно реализовать за три – четыре сотни. Джон прекрасно это знает, как сейчас, так и в каждый другой раз. До ужаса жадный человек настолько дорожит деньгами, что лишний раз не тратит их на себя самого, если, конечно, дело не касается проституток, наркотиков и пьянок во всевозможных барах.

– Проваливай, – Джон открыл дверь. В душное помещение проник прохладный воздух. Стив вышел на улицу. Смеркается.

Проваливай....

Даже такому ничтожеству, такой твари, как Джон он не смог ничего ответить. Как отвратительна, жалка жизнь Стивена. Он зависим от самых гнилых слоёв общества.

Падение продолжается.

Злость приходит вместе с отчаянием. Стивен не знает, на что именно он злится – несправедливость, имеющееся для него общество, на самого себя? Он ощущает эту фоновую энергию, источник которой зарыт глубоко внутри него. Будто бы намагниченные камушки подползли друг к другу вплотную, и их общая сила вызывает вибрацию, источающую зло. Каждый камушек внутри Стива – глоток, сделанный им в разное время жизни. Он глотал свою трусость, свою неуверенность, чужое мнение, свои и чужие страхи, которые породили сотни демонов. Он спрятал это всё глубоко внутри себя. Камни переросли во что – то новое и теперь всё это медленно, но уверенно убивает Стивена.

Он ничего об этом не знает. Он ничего не понимает и просто злится.

Темнота вокруг исправно освещающих улицы фонарей сгущается. Демонам этот свет не страшен. Не полная тьма, разумеется, но не так больно, как при солнце – свете Бога.

Перекусив чем подешевле в одном из ближайших кафе, Стив придёт в ночной парк. В нем он найдёт скамью, на которую свет фонаря падает меньше всего. Закурит. В темноте уголёк будет подолгу стоять в одном положении. Мысли отвлекут его от курения.

Парень двадцати девяти лет – ничего не достигший, ничего не видевший и не сделавший ничего хорошего как для себя, так и для других. Его существование воздействует на людей пагубно. Ну, если только кто-нибудь не откажется от соблазнов вколоть в себя что-нибудь этакое, глядя на Стива, как на последствия соблазна. Ход мыслей был именно таким. Стив не боролся.

3

Грех – вязкая субстанция, склеивающая общество. Чем больше группа людей – тем больше среди них греха. Быть может кто – то примет это слово слишком буквально. Что одному грех – то другому спасение. Все относительно.

Разум и милосердие, внутренняя доброта, понимание, умение поставить себя на место другого человека и борьба с собственным эгоизмом – хороший набор инструментов для работы над вопросом – что есть грех?

Почему люди поступают так, а не иначе? Что ими движет? Может в их хрупком устройстве чего – то не хватает? Вроде всё на месте. Душа у каждого, хоть и разная от времени и действий, но есть.

Глупость, наивность, мечтательность, беспечность – всё здесь.

Как же непрост человек. Кто бы мог подумать!

Гость смотрел на звезды. Там, вверху, целая вселенная! Столько звёзд, столько миров, столько бесконечной красоты! Неподдающиеся воображению пространство, колоссально большие объекты, ослепительно яркие цвета, невероятно красивые краски....

Сколько энергии....

Человек, взгляни на небо! Посмотри, как много мерцающих огней на чёрном фоне. Каждый из них – целая история, возрастом где в миллионы, а где и в миллиарды лет. Сколько всего древнего, мистического и непостижимого для твоего разума она способна открыть? Всего одна крохотная точка сияющего света!

Не вздумай вламываться в голову ребёнку, который ищет прекрасное в небе. Не заражай его сознание раньше времени. Жизнь сделает это и без тебя.

Гость думал.

Звезды горели и после того, как погасли все огни, сотворённые человеком. Они будут гореть и после того, как угаснет последний импульс в теле последнего человека. Кто теперь будет считать себя выше и важнее всего прочего?

Звёзды были до человека, они будут после него.

Как хорошо, что не все люди такие. Некоторые способны доказать, что они состоят из тех прекрасных тканей, из которых соткана и всё во вселенной.

Человек – самое необыкновенное существо из всех, что Гость видел за свои долгие годы. Он не ожидал столкнуться с таким количеством граней, что обнаружились им в обществе этих существ. Насколько переменчивым и непостоянным может быть человек! Верным и неверным, добрым и злым, счастливым и несчастным, живым во всей полноте смысла этого слова и... просто живым, как объект его сегодняшнего внимания. Просто живой, но переменчивый, имеющий много затупленных годами граней человек. Было в нем ещё что – то особенное, очень редкое, но свойственное человеку по набору качеств.

Гость хотел подойти к нему именно сейчас, но его вдруг что – то сильно смутило. Возможно, это было ощущение ненужной спешки, которая сорвёт с ветви немного недозревший плод. Тот будет никуда негодным. Всё потраченное на его рост время испарится в воздухе по щелчку пальцев. Все планы на его счёт сольются к нулю. Смысл будет утерян, а без него останется только отчаявшаяся пустошь, жизни в которой не ищи.

Не спеши!

Совсем скоро всё случится. Неизбежно случится, как и случалось раньше. Это очередной пик очередного подошедшего к завершению цикла.

Звезды горели и после того, как Гость шагнул в пустоту, прямиком с крыши пятидесятиметрового здания. Растворился в сгущающейся у земли темноте.

Луна росла четвертую ночь. Местами лениво плыли полупрозрачные облака. Дул лёгкий, тёплый ветер. Все живущие в городе ночные птицы были заняты своими делами. Многие из них пели, многие охотились, сотрясая крыльями ночной воздух – точно так же, как это сейчас делал Гость, но смысл его охоты был далёк от общепринятого представления этого слова.

Город отстрелялся в ночь дробью огней. Фасады многих домов были напрочь темны. Мир спал. Любимые обнимали друг друга, дети прижимали к себе свои игрушки. Сны спустились

на землю и разбрелись по людским головам. Утопичная ночь... такой она и останется, если, разумеется, не приглядываться, куда не стоит.

4

Я так устал от всего этого. Ах, если бы кто знал. Зачем я вообще живу? Может это какая – то кара за прошлые провинности?

Стив закурил вторую подряд сигарету. В голове снова каша. Тело начинает поламывать. Жажда.

Жажда.

Голод... зависимость. Ломка.

В этот раз Стив подготовился заранее. У него есть деньги. Он неспешно бредёт на хорошо знакомый адрес. Сегодня ему не придётся на кого-то нападать. Ненужно кого – то обворовывать, избивая при этом. Как правило – более слабых и незащищенных людей.

Последние вздохи полной грудью. Сейчас он чувствует тепло ветра, его нежность, смотрит вверх – как красивы звезды. Сверхмассивные гиганты долетают до земли в образе точки света, источник которого может не существовать уже миллионы лет. Как это величественно! Всё земное неважно на фоне звёзд.

В этот короткий, едва уловимый миг он счастлив. Сразу же за чувством счастья приходит понимание того, что он его недостоин. Он обязан страдать за все свои деяния.

Грань под его ногами – грань позади.

Жажда... голод. Выжить любой ценой.

Дикость в очередной раз берёт над ним верх.

Дверь открылась с тихим скрипом. Несколько этажей по лестнице. Палец бьёт о дерево. Возня с другой стороны.

Лицо Стива застыло. Поверх него лёг тускло – красный свет коридора. Густейший дым в нём бывает намного чаще чистого воздуха. Люди сидят на полу, опершись о стены. Кто – то лежит с торчащим из руки пустым шприцом, кто – то медленно качается взад – вперёд, кто – то прямо сейчас справляет нужду в свои штаны. А вон в том месте, где сегодня сидит очередной обезображенный наркотиками человек вчера умер парень.

Стивен всё ещё стоит перед дверью. Он не понимает, что его останавливает. Что – то пошло не так. Он не в силах поднять ногу, чтобы переступить порог.

Парень стоит в тусклом свете лестничной площадки, перед распахнутой дверью, на краю света, в который из тьмы пополз дым. Он словно щупальца, которые вот – вот схватят Стива и заташат его внутрь силой.

– Ты так и будешь стоять? – сказал дистрофично худой, высокий парень, открывший ему дверь. – Входи уже!

Его голос был таким же тощим и пустым, как и его владелец, а в его взгляде не было ничего, кроме пугающей красноты. На Стива будто бы смотрел демон из темной и воняющей всякой мерзостью преисподней.

Стив не понял, как произошло дальнейшее:

– Нет, – ответил он и тут же развернулся.

Дверь медленно поползла обратно. За ней становилось всё темнее и в этой тьме не было видно ничего, кроме красных точек – глаза собравшихся внутри демонов, пробравшихся в падкие на соблазн, крайне слабые человеческие тела.

Последний вихрь дыма вырвался в щель, повторил контур двери и растворился в воздухе. Дверь легла на место.

Стив уселся на бетонную ступеньку. Закурил.

Нет.

Впервые в жизни он сказал что – то подобное перед распахнутой дверью, ведущей к желаемому *оазису*

На лице начал собираться пот. Стива затрусило. Сигарета выпала из ослабших пальцев, перепрыгнула несколько ступенек, скатилась ещё по трём и остановилась, пустив голубую струю дыма вверх.

Да что это я такое выдумал? Как это нет? Кто вообще это сказал? Это точно был не я. Как глупо. Неужели я способен на такой поступок?

Нет

Наивный, глупый Стив. Как такое вообще можно вообразить? Решиться отказаться от наркотиков? Сможешь побороть в себе невероятно сильную жажду, переломиться, завязать? Хочешь стать нормальным человеком, полноценным членом общества? Забыть прошлое, как страшный сон? Принять себя и весь мир таким, какой он есть?

Нет

Как же это будет тяжело! Сколько сил для этого понадобится. Зачем вообще затевать всё это? Есть ли смысл? Даже если удастся соскочить с иглы, что делать дальше? Что в жизни сможет заставить держаться молодцом? Кто поможет?

Все близкие давным-давно от него отвернулись. Случилось это не потому, что всё бывшее окружение было таким плохим – Стивен так захотел, сам сделал выбор. Люди до последней капли пытались удержать его над краем пропасти, но он всячески, каждый раз превосходя самого себя, бил по рукам добродушных людей, доказывая им, что он безнадежный, жалкий и ничтожный персонаж грустной истории.

Нет

Он воровал у тех, кто ему помогал. Он делал больно тем, кто его любил. Быть может, он даже убивал, но доподлинно ему это неизвестно.

Уже ненужные удары ногами, фотографии с УЗИ. Таблетки в его кармане, которые могли быть жизненно необходимыми для женщины или для дитя в её утробе. Её деньги, телефон, жизненно необходимые для Стива.

Нет

Стив понимал, что даже если ему и удастся соскочить с иглы, то ему всё равно конец. Его раздавит суровая реальность. Его уничтожит пробудившаяся и ничем не сдерживаемая совесть. Она размажет его по грязным, усыпанным мусором дорогам, сырам непонятно от чего, бетонным полам лачуг. Она напоит его горькими слезами некогда любивших его людей. Она заберут у него все, что он когда – то украл. Она обрушит на него шквал острых, пронизывающих насквозь слов, сказанных когда – то им же. Она обрушит на него разом все удары, которые он когда – то кому – то нанёс.

Нет

Он начнёт вспоминать всё то, что он так старательно пытался забыть. Его сердце снова забьётся, он вновь почувствует давно атрофировавшиеся эмоции. Он вспомнит вкус потерь.

Безнадёжно

Чёрная птица вновь упорхнёт из его рук. Ему снова придётся пережить даже это – видеть, как человек оборачивается птицей и улетает в небо.

Быть может, наркотики спасли Стива от самоубийства. Точнее, отсрочили его на какое – то время, а если совсем точно – они и есть его самоубийство, но лишь в намного более жестокой и мучительной форме.

Стив хочет умереть, но эта жажда не даёт ему и этого. Как страшен его плен.

Начать новую жизнь... быть может он бы и смог, если бы ему кто – то помог, но, увы, он давно доказал людям, что помогать уже некому и незачем. Стив никак не мог понять, что первый шаг должен сделать он сам – проявить желание. Спасение утопающего – дело рук самого утопающего.

Стив, тебе никто ничего не должен

Почему он стал тем, кем он сейчас является? Когда раздался этот хруст, ломающий всё и сразу? Почему он сейчас здесь, совсем один, сидит, испытывая чувство ломки? Какими путями жизнь привела его к этому моменту? В какой миг исчез тот славный мальчик, который бесконечно любил жизнь?

Истина находилась в нужном направлении, но пот на лице продолжал собираться куда быстрее, чем нужные мысли в голове. Он скатывался по щекам и разбивался о бетон, будто слезы. Вены стонали от боли. Всё тело скованно, голова готова взорваться в любой момент. О прочих болевых ощущениях не стоит даже и говорить.

Я сейчас умру. Здесь и сейчас. Пусть уже это случится. Хотя бы перед смертью я сделаю хоть что-нибудь достойное – умру перед соблазном, не поддавшись ему.

Струйка дыма от упавшей сигареты оборвалась. Она дотлела без остатка.

Обхватив ребра руками, Стив, закрыл глаза, завалился правым боком на перила. По его несчастному телу проносились волны жара и холода, то усиливая, то притупляя боль.

Над его головой заморгала лампа. Яркая вспышка, тихий хлопок. Будто бы издали послышался тихий и короткий звон.

Темнота

Пугающая темнота, наполненная чем – то по-настоящему страшным, чем-то имеющим длинные, худощавые, когтистые руки. Одна рука спустила с головы Стива капюшон и несколько раз толкнула его в спину холодным, едва уловимым прикосновением. Вторая рука медленно потянула дверную ручку на себя. Тьма наполнилась мертвецки жёлтым светом коридора. Красные точки – маяки указывали Стивену направление.

Он встал и пошёл.

Снаружи дверь подтолкнули все те же руки. Она плотно легла на прежнее место.

Коридор казался длиннее обычного. Куклы на полах казались безжизненными. У многих были стеклянные глаза. Шприцы повсюду. Плотный дым заслонил собой ту самую дверь.

Как – то странно здесь тихо. Здесь всегда не особо громко, но ведь стонут постояльцы всегда. Почти всегда кто – то плачет, иногда слышен тихий, истеричный смех, но в этот раз тишина рушится лишь от тихого хруста шприцов под подошвой ботинок Стива.

Красная дверь будто светится изнутри. Она излучает что – то пугающее, но, несмотря на это, Стив крепко схватил её ручку и потянул дверь на себя. В комнате никого нет. Стол накрыт несколькими белыми дорожками, пачкой сигарет и пистолетом. Тумбочка с покосившимися дверьми открыта.

Стив достаёт из кармана все деньги, кладёт их на стол и берет двойную порцию. Прикрыв за собой створки сердца *оазиса*, он обернулся. Темнокожий, хилый парень в солнцезащитных очках и шляпе держит его на прицеле. По его лицу так же катится пот, но это уж скорее от ужасной жары внутри комнаты. Тускло – красный свет настолько густ, что кажется огнём.

Стив кивнув на стол, на деньги. Темнокожий опустил взгляд туда же. Через несколько секунд он сдержанно, но уж до боли жутко рассмеялся. Опустив пистолет, развернулся и пошёл туда, откуда пришёл – за очередную дверь. За ней происходят вещи пострашнее тех, что происходят в коридоре. Уходя, он продолжал смеяться. Смех был слышен недолго и после того, его тело растворилось в красных тонах.

Добрев до подобия ванной комнаты, Стив принял всё, что припас в красной комнате.

Перед ним висит зеркало. В нем кто – то есть. Это какой – то человек. Стивен боится его. Незнакомец глядит на него агрессивным взглядом. Глубже – отчаянье, страх и боль. Стив

не выдержал его взгляд. Отвернулся, посмотрел в грязную раковину. Набрал в ладони воды. Плеснул её в лицо. Выпрямился и вышел, оставит на полу два пустых шприца и пустую упаковку таблеток.

Скудный мир изменился. Он приобрёл новые цвета, звуки и ароматы. *Изменённый* мир качался, расплывался и мутнел. Ноги Стива перестали чувствовать пол под ногами. Он упал, не дойдя до выхода пару – тройку метров. Его сердце медленно останавливалось. Он продолжал двигаться к выходу ползком – мимо бездушных кукол и демонов внутри них.

Дыхание ослабевало. Он продолжал ползти. Глаза блестели от слез, вызванных горечью и страхом, осознанием того, что конец близок. Страхом перед тем, что после того, как он умрёт его не ждёт ничего хорошего. Даже его последний вдох и выдох будут наполнены болью. До последнего момента его сознание останется спутанным. Он не ощутит освобождения от телесных уз.

Толкнул дверь рукой. Выполз на площадку. Ощутил холодный бетон под увядающим телом. Услышал чьи – то шаги.

Смерть пожаловала.

Вот она, некая форма смерти, в человеческом облике. Хозяин притона и ещё двое парней из числа его шестёрок. Гарри и Филип.

– Кто он? – спросил торговец смертью.

– Не припомню его. Посвети ещё, – недолгая тишина. – Нет, не знаю такого.

– Уберите его отсюда. И лампочку поменяйте. Темно.

Шестёрки схватили парня под руки и поволокли вниз.

Нужно обязательно менять лампочку. Нужен свет. Мотыльки летят на свет.

– Да он жмур, – вполне нормальным голосом заявил Гарри.

– Да нет же вроде, – сказал Филип.

Вполне обычный разговор. Для них в таких беседах нет чего – то необычного.

– Да точно жмур, я тебе говорю.

Остановились у машины. Опустили свою ношу на асфальт. Генри осматривался, Филип открыл багажник.

– Куда выбросим?

Подняли ношу.

– Давай так, чтобы быстро. Я обещал жене отвезти дочь утром в школу. Поспать бы ещё.

– У тебя есть дочь?

Багажник захлопнулся.

– Да, четыре годя крохе. Она славная умница, – полный гордости ответ Гарри.

Проехал несколько кварталов, машины свернула в очередную грязную подворотню. Никаких церемоний. Стива выбросили в мусорный бак.

– Там ему самое место, – прощальная речь от Филипа.

Отошли, закурили.

– Слышал?

– Что?

Филип подошёл к баку.

– Вот мерзость.

– Что там? – спросил Гарри.

Подошёл в баку.

– Крысы, да такие жирные! Что они тут жрут?

– Ну, наверное, таких вот, как он.

– Мерзость.

Оба отошли. Крысы зашуршали сильнее.

Молча покуривая, Филип глядел на серые фасады переулка. И тут он подпрыгнул на месте.

– Сейчас слышал?

– Да.

Из бака послышался стон.

– Он жив?

Тот молча кивнув.

– Что? Оставим его так?

Гарри достал пистолет.

– Пристрелим.

Стон из бака всё громче.

Пушка направлена на Стива.

Проулок разразился звериным криком. Громкий, дикий, пугающий крик и огромный силуэт, едва просматривающийся во тьме.

– Что это, мать твою? – достав пушку, проговорил до жути испуганный Филип.

– Не знаю, – Генри думает. – Птица?

Тень проскочила по кирпичной стене, молниеносно, едва уловимо.

Выстрел, второй.

Тишина наполнена тяжёлым дыханием двух людей и тихими стонами из мусорного бака.

Оглушающий крик, нечеловеческий. Какое-то животное, огромная птица.

– Вон, там, – Филип направил пистолет в самый тёмный угол переулка. Три выстрела.

Тишина. Гильза падает к ногам. Теперь тишина абсолютная.

Тень в форме крыльев становится всё меньше. Она растворилась во тьме переулка.

– Ты что-то видишь?

– Тихо, – прошептал Гарри.

Тихо.

Именно так Гость пересёк границу тьмы. Темно – жёлтый мрак переулка встретил его во всей его красе. Высокий, лысый некто в чёрной мантии непринуждённо шагает босыми пятками к двум мерзавцам.

Выстрел.

Тишина. Гильза бьётся об асфальт. Гость идёт в прежнем темпе. Ещё выстрел, ещё и ещё, так до самых щелчков пустого магазина.

Гарри не стреляет. Страх сковал его всецело. Он даже руки поднять не в силах. Просто смотрит на происходящее с открытым ртом и полными ужаса глазами. Он чувствует, что сегодня они встретили кого-то особенного, необычного, крайне опасного. Обезумевший от страха человек совсем не думает о том, почему Гость именно здесь, сейчас, с ними.

Гость шагает. В его глазах разгорается пламя. Филип бросил пистолет под ноги и поднял руки вверх.

Гость безостановочно подошёл к нему, бесцеремонно схватил его за горло, поднял на метр над землёй и... заглянул в его глаза. Отвращение, боль, злоба и ярость ясно читались на лице Гостя. Ему стало противно, что он сейчас касается этого прогнившего вдоль и поперёк существа.

Крик Филипа был недолгим. На кирпичной стене вновь раскинулась тень крыльев. Поверх неё плотным слоем легла кровь разорванного пополам человека. Половинки плюхнулись под ноги Гостя. Кровь поползла в стороны. Над вывалившимися на асфальт внутренностями поднялся тонкий пар.

Второй в ступоре. Кровь дотекла до его ботинок.

– Убирайся к своему ребёнку, – сказал Гость, едва нашедший в себе силы сжалиться над Гарри, только от того, что он бы более – менее нормальным отцом. Это было его единственным

достоинством. Во всем остальном он был ничтожеством, ухудшающим жизнь всем окружающим его людей.

Не мешкая, тот развернулся и пустился в бег.

Гость сорвал крышку бака. Швырнул её в темноту. Схватил худошавое содержимое, швырнул на асфальт. Тело приземлилось в непонятной форме, так, будто это самая настоящая кукла – марионетка без нитей. Руки и ноги были согнуты под неестественными углами, кости проступали через кожу пугающе сильно, но самое главное – пустые глаза. Стекла, в которых нет жизни, и это было так. Стив умер.

Самое твёрдое и смелое решение в его жизни, в то же время самое глупое, даже учитывая то, что глупостей он натворил столько, сколько за всю жизнь не сотворит группа более – менее нормальных людей.

Гость подошёл к нему.

– Ну, нет, вот тебе и на, – проговорил он сквозь стиснутые губы. – Ну, пусть будет так. Это даже и к лучшему.

Гость снова схватил тело Стивена, расправил крылья и оторвался от земли – легко и быстро. Растворившись в темноте ночи, он устремился на городскую окраину. Внизу кишмя кишели люди – ночные странники, выползающие из своих нор с заходом солнца. Среди людей были и те, кто смотрел вверх. Над головой они видели только звезды, но они знали, что над ними пролетает такое же необычное, неземное существо, как и они сами, но вот только отличия между ними были кардинальными – он не пришёл на землю из ада, хоть он там и бывал, и, между делом, он сейчас отправится туда вновь.

Демоны разбежались. Прячась от Гостя, они высматривали из укрытия, улетел ли он. Он просто пролетал мимо. Ему до них нет никакого дела.

Тело рухнуло в яму, поросшую диким виноградом, тёрном и крапивой. При падении раздался отчётливый хруст нескольких костей. Тело сложилось пополам. Грязные, черные волосы пропитались кровью, она же застыла под его носом, на краях его губ и на жёлтых, теперь не болящих зубах.

Единственная одежда изорвалась от крепкой, когтистой хватки Гостя и веток тёрна. Костлявая спина оголилась. Она сплошняком в синяках и шрамах, о появлении которых Стив никогда ничего не мог вспомнить. Летопись его жизни, подобная древним росписям на стенах пещер. Летопись Стива звучит. Это боль, страдания и ошибки. Это определение человека, которое сможет прочесть только Гость. Взгляни на него человек – просто шрамы. Упал, подрался. Был пьян или под кайфом. Истина же сокрыта намного глубже и глазами её не разглядеть.

Раскрытые кисти рук. Ладони в шрамах. Это ожоги, которые Стив получил в восемь лет. Он крепко схватил раскалённую металлическую цепь голыми руками с невиданной ранее для себя силой. Он спасал друга. Это была собака.

5

В тот день он остался дома один. Его отец выпивал с приятелями, как тогда казалось из вечера в вечер. Возможно именно так всё и было, но, за исключением лишь того, что не только вечерами. Мама с младшей сестрой отправились в больницу к старшему брату.

Майский вечер. Дул тёплый, приятный ветер. Не предвещающий ничего плохого, но и в то же время имеющий своё коварство.

Шумела молодая листва. За забором, на улице, гуляла ребятня. Ребята чуть старше Стивена. В обычный день он проводил время вместе с ними, даже не смотря на то, что порой они

его дразнили тем, что его отец вчера снова спал в пьяном угаре на обочине, или тем, что его кроссовки давно изорвались и их пора бы выбросить. Порой все покупали себе мороженное на деньги, которые им давали родители. Стив имел такую возможность лишь по большим праздникам. Даже зная, где мама оставляет деньги, он никогда к ним не прикасался – в отличие от отца, который искал, за какой счёт бы залиться дешёвым алкоголем.

Его друзья с довольными лицами наслаждались мороженым в тени пышных деревьев. На улице стоял зной.

– Хочешь попробовать? – спрашивал его пухлолицый, розовощёкий приятель Билл.

– Конечно, – тут же отвечал обнадеженный Стиви.

– Тогда сходи и купи, – отвечал Боб и тут же заливался мерзким, хрюкающим смехом, который подхватывали остальные ребята.

Несмотря на подобные моменты Стиву хотелось к ним выйти, но сегодня мама попросила его остаться дома.

За забором, в соседском дворе собралась компания более старших ребят – выпивали, жарили мясо, громко смеялись. Стив в это время нёс с сеновала добрую охапку корма для скота. В загоне паслись несколько коз и баранов. Закинув им корм. Пошёл по двору. Тут он заметил крупного майского жука, лежащего на спине. Несчастное насекомое не могла перевернуться. Стив поднял его, подбросил вверх и жук улетел.

В этот момент в воздухе летело что-то ещё – белое, оставляющее тонкий шлейф дыма. Это что-то летело через соседский забор. Это что-то упало прямо на только принесённое юным Стивеном сено.

Дул тёплый, приятный майский ветер. Тонкий шлейф дыма в один момент начал набирать силу. Не успей Стив ничего понять, как сено загорелось. Его подхватил ветер и понёс в сторону хлева со скотиной. Через короткое время дым повалил и оттуда.

Юноша перепрыгнул через ограждение и начал топтать горящее сено. Огонь разрастался всё быстрее и быстрее. Загорелась подстилка пастбища. В сарае затрещало дерево.

– Помогите! – наконец-то закричал он.

Соседи шумели слишком сильно.

– Помогите! – прокричал он снова, со всей силы, до боли в висках.

Через забор выглянуло лицо Константина – двадцатилетний соседский парень. Его глаза едва не вылезли из орбит от увиденного. Доля секунд и он скрылся из виду.

– Звоните в пожарную! Соседи горят! – прокричал он.

Что? – спросила какая-то девушка.

– Соседи горят! Пожар, – повторил он.

Крики и смех стихли. В соседнем дворе послышалась возня.

Из глаз Стива хлынули слёзы. Он продолжал топтать ногами горящее сено, пока его не схватили крепкие руки. Константин перепрыгнул с ним через ограждение.

Стив увидел валяющийся из под крыши дома густой дым. Вокруг быстро образовалась суeta. Ребята из соседнего двора забежали в горящий двор.

– Несите воду! У меня возле гаража шланг! Перебрасывайте через забор! – скомандовал Константин.

Двое ребят тут же выбежали на улицу. Константин вывел Стивена за двор и оставил его под присмотром отдыхавшей по соседству девушкой лет восемнадцати. Сам он снова забежал во двор.

К дому стянулись соседи, ещё спустя несколько минут за зрелищем безучастно наблюдала вся деревенская улица.

Шланг мелькнул в воздухе, перелетел через забор и скрылся из виду.

– Давайте воду! – крикнул Константин.

– Открыли, – крикнул кто – то из ребят.

Короткое молчание. Константин бросил шланг на землю.

– Кран на кухне откройте! – крикнул он снова.

Воды нет. Нигде. Во всей деревне в этот день не оказалось воды. Как выяснится позже – сломался насос водонапорной башни. К сожалению так и не выяснится, что местный чиновник решил не тратить деньги не так давно поступившие в бюджет на ремонт и так нормально работающего насоса. Через пять минут приедет и он сам. Ещё спустя пять минут появятся пожарные. В это время дом будет полыхать во всю силу. Всё вокруг будет в густом, едком дыму. Стив будет реветь в захлёб.

Прибывшие пожарные вывели отважных ребят со двора, ребят, которые как могли пытались тушить пожар.

Послышится дикий крик горящих заживо животных. Послышится лай...

Собака

Стив привязал её в гараже за домом, где в этот момент была тень. У пса была густая шерсть, сам он был практически полностью чёрного окраса. На солнце ему было тяжело. Именно сегодня Стив заметил, как страдает его любимое животное, его единственный, по-настоящему любящий его друг, и перевязал его в более прохладное место. Сейчас в этом месте настоящий ад.

– Там моя собака! – крикнул Стив.

– Какая собака! Сам цел, радуйся! – крикнула старая женщина, что живёт напротив.

Стив обернулся. Он думал, что всем сейчас страшно так же, как и ему, но он ошибался. Толпа спокойно любовалась зрелищем, некоторые даже улыбались. Почему?

Лай, мучительный и пугающий, душераздирающий. У Стива закололо кожу, будто в него всего разом воткнули тысячи игл.

Он вырвался. Прогмыгнул среди зевак, скрылся в дыму, и непонятно как ориентируясь в пространстве, вышел к горящему столбам величественного, пугающего пламени гаражу.

Влетел внутрь. Пёс метается из стороны в сторону.

– Тише, это я! – рыдая, крикнул Стив.

Он так и не смог понять, куда в тот момент делись все его страхи.

Пёс немного приутих.

Стив схватил его за ошейник. Его руки впились в мягкую, горячую плоть. Пёс взвыл от боли, дёрнулся и укусил Стива за руку.

Ребёнок не сдавался.

Он понимал, что животному сейчас очень страшно, он понимал, какую боль ему доставляют огромные ожоги, оголившие мясо. Нужно пробовать ещё!

Юноша, что есть сил, ухватился за горячую цепь. Зашипела кожа на ладонях, но боли в этот момент Стив не почувствовал.

Один сильный рывок и цепь сорвалась с места. Стив бросил её на пол. На долю секунд он увидел на звеньях куски пригоревшей кожи от своих ладоней. Пёс тут же умчался со всех оставшихся у него сил в безопасном направлении.

Стивен рванул вперёд. Сверху обвалилась крыша, прямо перед единственным путём к спасению. Дым начал быстро заполнять пространство. Жар, казалось, обжигает кожу со всех сторон. Из его глаз снова хлынули слезы. Так страшно ему ещё никогда не было. Он не мог думать, ориентироваться в пространстве, принять какое-нибудь решение. Страх сковал тело ребёнка.

Он упал на колени, закрыл лицо обожжёнными ладонями и разревелся в захлёб.

За шумом, дымом и вознёй на улице и дворе – а кому – то за зрелищем – люди не слышали рёв Стивена. Его глушили стены гаража, густой дым, трески горящего дерева и шифера. Его так же было сложно услышать от гама зевак, которые в данной ситуации не только бездействовали, но ещё и вредили.

Константин.

К счастью, он продолжал возиться со шлангом у себя во дворе, всего в паре – тройке метров от горящего гаража. Его не покидала надежда, что вода вот – вот хлынет мощной струёй, но неисправному насосу, находящемуся в нескольких километрах от горящего дома, до этого не было никакого дела.

Сосед услышал крики. Он не поверил своим ушам. В его организме тут же случился выброс адреналина. Он одним ловким движением перепрыгнул за забор и помчался растаскивать в стороны горящие доски, упавшие с крыши. Более – менее растащив их, он вбежал в гараж. На какой – то миг клубы дыма отступили. Он успел заметить Стива. Вновь крепко схватил ребёнка руками, Константин благополучно выскочил с ним в горящий со всех сторон двор. Гараж тут же рухнул.

Как тогда казалось, пожарные сбивали пламя бесконечно долго. В какой-то отрезок времени вернулась мама и сестра Стива. В памяти парня накрепко засядут выражения их лиц, при виде случившегося горя. Его сердце каждый раз будет обливаться кровью, стоит ему только вспомнить, что было с мамой и сестрой.

Когда разойдутся абсолютно все зеваки, разъедутся пожарные и полицейские, вдалеке, на горизонте покажется шатающийся по дороге пьяный отец.

Он не несёт с собой ни поддержки, ни утешения.

Сгорели все мои вещи! Ах ты мелкий сучёныш! Что ты натворил?

Он присоединится к маме, сестре и Стивену, пытающимся найти в пепле о огарках хоть что-нибудь уцелевшее.

Это твоих рук дело, я – то знаю!

Собрав всё, что было возможно, убитая горем семья отправится в дом, оставшийся им от родителей мамы. Позже, когда отец отоспится, мама Стива поскандальит с ним, как никогда раньше. В частых ссорах с мужем её зачастую останавливал страх, неуверенность и убеждения алкоголика в том, что он исправится. Это было в последний раз.

Уже не один десяток раз.

Сегодня всё переменялось.

– Убирайся, проваливай к своим друзьям. Наливают – и угол найдут.

– Но, как же так? Ты думаешь, что мне сейчас легко? – взмолился жалкий, трясущийся от похмелья отец троих детей.

Мама будет непреклонной, как никогда раньше.

– Ты хоть помнишь, что ты вчера устроил? Посмотри на сына, скотина!

Стивен сидит во дворе и глядит на свои окровавленные бинты. Вчера вечером они были белее белого, такими, словно никакого пожара не было и в помине – ни пепла, ни копоти, ни густого дыма. Какой красивый, чистый бинт, скрывающий обожжённые ладони. Ребёнку было как-то странно приятно оттого, что на его теле что-то настолько белоснежное, чистое. Совсем не потерявшее цвет, не имеющее пятен. Он никогда не носил что-то настолько чистое. Практически вся его одежда была уже поношенной. Какая-то старшим братом, а какая-то и теми людьми, которых парень не знал.

Но теперь бинт перепачкан кровью.

Сегодня утром Стивен услышал в никем не кошенном саду что-то очень волнительное. Из высокой травы слышалось лязганье цепи. Чуть позже послышался тихий собачий стон.

Ребята сказали ему, что местный фермер пытался поймать пса, чтобы избавить его от мучений – пол тела животного представляло собой кровавое месиво. Животное рычало, кидалось и убегало до той поры, пока фермер не оставил его в покое.

– Ну, недолго ему страдать, – брякнет он, сажаясь в машину.

Стив с опаской зашагал на звук. Высокая трава была в росе. Парень вымок через несколько метров пути. Собаку он найдёт спустя несколько минут.

Как он вообще ещё не умер?

Стив, безо всякого страха усядется рядом с несчастным животным, которое, увидел его, тихо заскулит и завиляет хвостом. Он протянет к нему белеющие бинтами ладони. Пёс будет их облизывать.

Он любил своего пса...

Его хрупкие ладони через боль крепко обхватят шею – мясо собаки. Пёс будет смотреть единственным уцелевшим глазом в ревушие глаза любимого человека. Он не посмеет ни зарычать, ни заскулить. Он даже не станет дёргаться.

Руки впились в мясо. Мальчик не смог закрыть глаз. Он делал то, что должен был делать. Руки сжались ещё сильнее. Тело пса утратило всякое напряжение. Тяжёлое, бурлящее кровью дыхание остановилось. Остановилось и сердце, в котором была искренняя, безвозмездная любовь. Пёс умер.

Ад

1

Гость развёл руки в стороны. Земля вокруг него загорелась – небольшим, невысоким, синим пламенем. Глаза закрыты, он что-то шепчет. Вдруг умолк. Распахнул глаза. Их зрачки теперь были по-кошачьи сужены. Издал оглушающий, непонятный крик. Огненное кольцо сузилось, и Гость исчез, уйдя под землю. Сомкнувшийся со всех сторон с себя круг огня исчез. В лесу снова тихо и темно. Пели лишь редкие птицы. Мертвец лежит лицом кверху. В безжизненных глазах отражаются звезды.

Огненный тоннель кажется бесконечным. Гость бывал здесь. Он знает, что дно в этом месте есть и это дно любому известному дну. Справа от него показалась демон. За ним ещё один, и ещё один. Десятки, сотни демонов заполняли низину. Один из них отделился от остальных, расправил местами дырявые крылья и устремился к Гостю. Он знает, что здесь запросто могут поприветствовать так горячо, как подобает в подобных местах. Демон расправил кривые, пропитанные людской кровью когти – с них даже свисали куски плоти – оскалил длинные, тонкие, острые зубы и издал рёв. Огненный тоннель зашатало.

Гость увернулся, схватил демона за лапы, подтащил поближе к себе, оторвал его голову и бросил тело вниз. Оно рухнуло точно туда, откуда вылетело. Его собратья непривередливы в еде. Чёрная масса зашевелилось от запаха крови. Свежее мясо.

Удивительно, что он решил атаковать. Верная смерть. Видимо, он не мог себе представить, что его потенциальной целью окажется существо из противоположного мира и демоны, подобные ему, для него пустой звук.

Добрался до раскалённого дна. Атмосфера тут не меняется уже многие тысячелетия – вопли, стоны, боль и страдания провинившихся. Вечные муки.

Он должен быть где – то рядом.

Огненное море. В нем миллионы горящих людей. Здесь можно умереть лишь от одного крика, что издаёт каждое горящее заживо тело.

Нет, это не для него.

Демоны рубили толпы мечами. Как газонокосилка по траве. Как же их здесь много. Горы конечностей – рук, ног, голов. Здесь же и кишки, что перемешались со своим содержимым. Крылатые демоны подхватывали обрубки тел, уносили их вверх, на вершины гор из тех же обрубков. У подножья этих гор конечности каждого тела находили друг друга и вновь собирались в тела. Их хватали и отправляли на очередное, неизвестно какое по счету четвертование.

Он близко.

Вдали огромная стая тварей похожих на гиен подняла пыль – пепел в воздух. Кажется, что их сотни тысяч. Серое облако колоссальных, даже захватывающий дух размеров стелется за ними по пятам. Что происходит?

Гость видит, как из земли, одна за другой, появляются человеческие руки и головы. Гиены – их зловещее подобие – врываются в этот сад. Для обитателей раскалённого мира звучит симфония диких криков ужаса. Гиены вгрызаются в живую плоть. Они проносятся вдоль линии горизонта, как стая саранчи, оставляя после себя одну только кровавую поверхность и дочиста обглоданные кости. Поднятый ими пепел – пыль из усохшей крови стелется на кости.

На них этот пепел снова превращается в мясо. Пройдёт время и весь процесс повторится вновь. Такovy здешние правила. Вечные муки.

Хруст.

Что это?

Гость смотрит под ноги. Он наступил на перепачканный чем – то липким шприц. Рядом с ним лежали ещё два, тоже перепачканных вязкой, жёлто – зелёной субстанцией. Взгляд пошёл по ковру из шприцов.

Тропа привела Гостя в тёмную, глубокую пещеру. Вдоль стен едва шевелятся красные точки – глаза здешних обитателей. Кто – то рычит, кто – то стонет, некоторые тяжело дышат, точно прибывают в агонии, но подавляющее большинство плачет.

Здесь энергетика врежется в Гостя. Это отвратительное место. Страдания здесь хуже, чем на многих «аттракционах» во всем обители. В бесконечных муках не оставляют ожогов, не отрывают конечностей, не съедаю и не варят живьём. Это эксклюзивное место, в котором каждый обитатель желает смерти, как никто другой во всем мире. Падших людей оставляют наедине с самим собой, при светлой памяти и живой совести. Здесь их сердца вновь оживают. Они всё чувствуют, анализируют и делают выводы – какая же я тварь. Им никуда не деться. Их мир – их прошлое, их ошибки, их мечты. Любовь, счастье, родные и близкие люди. Они потеряли всё. Они выбрали иной путь. Они жалеют о содеянных поступках и сожалеют себе и другим.

Они ненавидят себя...

Гость провёл когтями по каменистой стене. Медленно и густо посыпались искры. Свет разрушил бесконечную тьму.

Прямо перед его ногами сидела худая девушка, абсолютно голая. Её взгляд прикован вперёд. Может показаться, что она смотрит в пустоту, но перед ней то и дело проносятся разные события из её утраченной жизни. В её руках детская игрушка. Она прижала её к груди. Девушка плакала и дрожала. Гость остановился. Упала последняя искра. Темнота залила пространство.

В голове Гостя прорисовалась картина. Ребёнок толкает ребёнка с моста. Всё из-за игрушки. Девочка успела вырвать из рук летящего вниз ребёнка деревянную лошадку. Она прижала её к своей груди и с ужасом смотрела на разбившееся о бетон тело, от которого медленно растекалась кровь. Именно это событие послужило началом. После девушка успела натворить много плохого.

Птица.

Чёрная птица улетает в небо. Гость видел это раньше. Страшное воспоминание, которое Стивен запрятал в самые дальние углы своего сознания.

Он совсем близко.

Искры сыплются снова. Мелькают страшные персонажи. Один из них – парень, набивающий свой рот валяющимися повсюду шприцами. Иглу притыкают его щеки, шприцы торчат в руках, ногах, груди... торчат повсюду. Он задыхается, но не останавливается.

Не смотря по сторонам, Гость выискивал чёрную птицу.

И нашёл её нашёл.

Стив лежал на боку, протянул левую руку вверх. Он хватал ею воздух, так, будто бы в нём что-то было. Он пытался дотянуться до улетающей птицы, остановить её. Ему нужно остаться с ней, а полететь вместе ней он никак не может. Теперь.

Не теряя времени, Гость схватил Стива за ловающую воздух руку и потащил к выходу. Тьма, наполненная стонами, воплями и шизоидным смехом понемногу приобретала огненный цвет. Выход близок.

Стив пребывал в полнейшей прострации. Казалось, что в этом месте он не страдает.

Но он страдал.

Его выдавали лишь глаза! Ему было плевать, где он сейчас и что с ним происходит, ведь он был в себе настолько глубоко, как никогда раньше.

Нужно спешить!

Гость перешёл на бег. Огненное зарево всё ближе. Вопли позади все громче. Отвратная энергетика набирает силу. Начинается тряска по всему телу.

Считанные метры дались Гостю тяжело. Для Стива этот защитный барьер был небывалой прежде и ни с чем несравнимой мукой. Пещера осталась в позади.

Здесь есть кто – то ещё.

Тяжело дыша, Гость увидел под своими ногами тень.

Полупрозрачная тень, будто дырявая. Острые очертания по бокам узкого туловища навели только на одну мысль – рядом хозяин здешнего аттракциона.

Тень сдвинулась с места. Гость поднял взгляд:

Перед ним демон. Тонкое, с погнувшейся плотью туловище источало смрад, издавало ровный, пронзительный рык. Демон вытянул длинную руку – кость перед собой и покачал указательным пальцем.

Он мой! Он заслужил эту честь!

Гость выпрямился во весь свой рост. Расправил плечи, расправил крылья. Глаза снова стали точно кошачьими. Взгляду не занимать силы у уверенности.

Нет!

Демон завозился на месте. Послышалось мерзкое шипение. Его полу прогнившее лицо сделало невозможное – скривилось в гримасе, агрессивной и недовольной.

Ты здесь никто! Не тебе решать, ты не имеешь права!

Гость повернулся к лежащему под его ногами Стиву. Синее тело казалось прозрачным, практически невесомым. Гость склонился над ним. Двумя пальцами обхватил его кость – руку.

Что это? Раньше он ничего подобного не чувствовал. Гостю вдруг захотелось защищать это жалкое существо.

Жалость – новое чувство. Знакомство состоялось.

Гость резко встал.

– И уж тем более не тебе решать, – закинул Стива на плечо. – Могу тебя утешить – его ждёт ад не хуже здешнего, но я дам ему шанс избавиться от чести быть экспонатом столь невпечатляющего сброда!

Толчок. Оба оторвались от земли. Демон всё ниже и ниже.

Раздался громкий вой. Теперь и демон расправил крылья. Он бросился в погоню. Видимо он никогда прежде не сталкивался с подобными Гостю созданиями. Он не понимает, что в данный момент все его действия ведут его к небытию.

Тоннель сужается. Огня вокруг всё больше. Демон догоняет. Он один. Он не несёт на себе «свой крест».

Он останется здесь!

Крылья гостя ударились об огненные стены. Ещё несколько взмахов и вокруг остался лишь огонь. Какое – то время вся тройка перемещалась непонятно куда, непонятно где – сплошь и рядом только пламя, пока, наконец – то, что – то не затрещало.

Вокруг темно. Тихо и свежо. Чувствуется приятный ветер – ледяной, на фоне ада.

Чувства возвращаются, набирают силу. На небе во всю силу горят звёзды. Шелестит листва. Птицы успокоились от короткого, но громкого хруста и огненной вспышки. Их пение вновь аккомпанирует сверчкам в ночной канонаде. Прекрасная симфония.

На окрашенной луной в тёмные цвета траве проступили очертания теней. Гость понемногу собрал крылья, от которых продолжал идти лёгкий дым. В паре – тройке метров от него местами горели слабые огни, вырвавшиеся из недр земли. Между ними лежал и Стив. За его спиной шумела осина. У её величественного ствола лежали ноги вырвавшегося из тоннеля

демона. Остальная часть его тела в паре метров. Демон дышал тяжело, но без признаков боли. Он смотрел куда-то вверх, сквозь миллиарды звёзд. Ему никак не удавалось понять, что сейчас происходит.

Он и не успеет.

Гость закашлял. Из его рта вырвался дым – первый и последний. Его теперь уже более человекообразные глаза отыскивали две части одного целого. Гость направился к той, что смотрела в небо.

Что это за место?

Посмотрел в полное звёзд небо, вправо, влево и куда – то вглубь леса Гость ответил:

– Это место есть испытание. Это место есть путь. Это место – выбор! Здесь перекрёсток, распутье. Каждый делает свой выбор самостоятельно – ни звезды, ни правда, ни ложь и никакие собственные убеждения не способны повлиять на него. Никаких оправданий нет и быть не может.

Гость говорил спокойно и мирно. Он сел на корточки у разваливающейся головы демона.

Это место есть шанс

Последнее, что было услышано от демона. После он взглянул на синего, полупрозрачного Стива, сквозь которого, казалось, проходил лунный свет, издал едва рычащий выдох, наполненный облегчением, и закрыл глаза.

Это место уничтожило его. Это место не его среда обитания. Какое-то время аттракцион побудет без хозяина, но от этого его обитателям не станет легче.

Остатки черепа растворились в чистом, ночном воздухе. Вскоре догорели и вырвавшиеся верх огоньки.

Стивен невесом. Гость принёс его туда, где лежало его человеческое, земное тело. Это место густо поросло травой, мелкими кустарниками. Их тоненькие, хрупкие стебли проросли сквозь рёбра, сквозь разрушившуюся ткань. На скелете ни осталось ничего. Одни лишь кости и лоскуты ткани.

Неплохое перерождение.

Гость положил Стивена на его же скелет. Его полупрозрачное «я» слилось с костями. По их поверхности начало прорасти новое мясо – нервы, мышцы, сосуды, артерии – очень быстро и пока тихо.

Но человеческое рождение не обходится без крика. Полу сформированное тело получило голосовые связки, голые нервы, мозг. По венам и артериям побежала кровь.

Раздался дикий крик. Тело забило о траву, оно скручивалось, выпрямлялось и ужасно страдало. Незащищённое кожей мясо болело повсюду. Ужасный по силе и насыщенности крик сотрясал окрашенные ночью в тёмные цвета кроны деревьев. Всё живое вокруг умолкло. Всё живое вокруг наблюдало за уникальным рождением.

Гость ждал.

Крик начал затихать. Он прерывался глубокими вдохами и выдохами. Вскоре было слышно лишь тяжёлое дыхание Стивена.

Тишина, в которой вновь разошлись звуками сверчки с птицами показалась благодатью. Ветер вновь начал разбиваться о деревья. Его почувствовала новая кожа Стивена.

Его глаза распахнулись. Он увидел мир! Он увидел тёмный силуэт, похожий на ангела – высокий, с едва качающимися, огромными и сильными крыльями. Тот неспешно обходил Стива, изучая его, изучая себя. Немыслимые, неведомые раннее чувства создаёт этот человек внутри Гостя.

Страх поприветствовал Стивена. Гость отреагировал. Остановился, спрятал крылья.

Рождённый вновь попытался стать на ноги, но его тело ещё слишком слабое. Падение, попытка, падение. Попятился назад. Гость неподвижен.

В глазах Стивена темнеет. Силуэт растворился на общем фоне. Стив, что есть сил, зажмурил глаза. Открыл их. Перед ним никого. Тяжело дыша, сбивая с себя пот дрожащими руками, он продолжал ползти, прокладывая себе путь сквозь тьму, двигаясь неизвестно в каком направлении, неизвестно к чему, но известно от чего – от собственного страха.

Главный источник страха рядом. Он просто стал невидим для глаз «младенца». Но младенец чувствовал присутствие чего-то ещё – необычного, непонятного и ввиду всего этого пугающего его.

Словно пастух, ведущий стадо, Гость направлял Стивена к давно заброшенному дому. Увидел его, парень вновь попытался вскочить на ноги и на сей раз ему это удалось.

Дом был окутан тьмой – снаружи и внутри. Стивен побежал к окну и попытался сквозь него разглядеть содержимое здания.

Ничего не увидел, он бросился ко второму окну. Тьма не отступила и там.

Обернувшись назад, Стивен увидел окутанные лунным светом кроны деревьев, голубой туман, стелящийся по лугу между домом и лесом, и колею, по которой он сюда прибежал.

Никаких силуэтов он не видел, но в то же время он понимал, что это ещё не значит, что их нет.

Найдя входную дверь, Стив навалился на неё всеми своими силами, которых сейчас было всего ничего. Петли затрещали, в нос ударил спёртый воздух.

Свет способен властвовать во тьме. Он разрушает тьму, но тьма над ним невластная.

Тьма имела белое пятно света, который вырывался сквозь щель приоткрытой дверь. Мотылёк полетел на свет. Босые ноги аккуратно ступали по деревянному полу – среди пауков, жуков и других насекомых, ведущих ночную охоту.

Трясущаяся от страха рука толкнула дверь. Та отворилась до конца без единого звука. В комнате нет обитателей. Горит одинокая свеча.

– Зд... здесь кто-нибудь есть? – первые слова младенца – неуверенные и дрожащие.

Здесь нет никого, кто готов тебе ответить.

Стив вошёл в комнату. Кровать, небольшой стол и табурет, на котором лежит какая-то одежда, покрытая густым слоем пыли.

Оденься!

Стива пронзил страх. Он начал судорожно оглядываться по сторонам. Сердце казалось вот – вот вырвется из груди. Никого нет.

Он схватил тёмные брюки, быстро натянул их на себя, повторил ту же процедуру с кофтой и лёгким плащом, под которым он увидел пару ботинок.

Страх следовал за ним по пятам. Гость понимал сущность Стивена. Его присутствие вызывало у данного человека именно страх. Стало быть, света в нем мало, но Гость знает, что это лишь вопрос времени.

Легким движением руки Гость опрокинул свечу. Она погасла. Стив замер.

Гость постучал пальцами по столу.

Всё работает, как хорошо налаженный механизм. Стивен побежал к выходу – попутно спотыкаясь обо что – то и падая. Паника во всей её красе.

Рождённый дважды едва коснулся входной двери, как ему навстречу метнулась чёрная птица. Казалось бы, просто птица, но Стива вдруг сковала крепкая боль в груди, где-то очень глубоко внутри. Сковала так сильно, что он не смог дышать. Дыхание перехватило. Он рухнул на пол. Во тьме практически ничего не разглядеть – только тени деревьев за медленно открывающейся дверью. Услышать можно больше, чем увидеть – крылья разрезают воздух. Птица улетает прочь. Стив сжал слезоточащие глаза как можно сильнее.

Откуда взялась эта боль? Каменное сердце дало трещину.

Сознание отдаляется. Стивен погружается во тьму – в ту тьму, из которой прилетела птица, принеся с собой давно забытую, спрятанную очень далеко и глубоко боль.

Гость размышлял.

Что за птица? Почему она так влияет на Стивена? Что за глава его жизни так сильно разрывает его на куски?

Придёт время и всё станет понятно.

Гость аккуратно перешагнул лежащего на полу без сознания Стивена и покинул дом. На какое – то время он оставит подопечного наедине с самим собой. Он будет наблюдать за ним со стороны. На сегодняшний день всё идёт как нельзя лучше.

2

Рассвет. Туман лениво уползает в лес. Он словно ночной хищник, уходящий в своё логово, цепляясь и таща за собой свою жертву – незримый дух.

Стив медленно поднял веки. Это далось ему непросто.

Что происходит?

Он видит мир! Он чувствует его! И ему страшно...

Перепуганный парень лежит на невысоком, деревянном и хлипком крыльце. Дальше тропа уходящая в колею. По её бокам густыми пучками растут полевые цветы – ромашки, васильки, медуница, зверобой и многие другие. В воздухе стоит запах сырости, аромат цветов, старого сена и соснового леса, хоть лежащий рядом лес преимущественно лиственный.

Напряг руки, Стивен кое – как, дрожа и пытаясь, сменил положение из лежащего на сидячее.

Он смотрит в небо!

Голубой купол – океан! Чистейший, бездонный и бесконечный! Белоснежные, местами окрашенные в переливы розового лучами восходящего солнца облака не уступят величием столпам творения!

Кажется, что никогда прежде мир не был так красив! Подобное зрелище не являлось ему никогда прежде.

Даже под кайфом.

Ключ провернулся, замок покорно издал лёгкий щелчок. Дверь открыта.

Сознание что есть сил врезалось в его голову. Стив вспомнил ночь, в которой он убил себя. Далее лишь тьма, наполненная пугающими эмоциями и отдалёнными образами.

Самый смелый и одновременно глупый поступок в его жизни!

– Где я? – дрожащим, едва не ревушим голосом проронил Стив.

Он ожидал увидеть ад, но никак не это. Он наверняка мёртв.

Он наверняка мёртв... Он мёртв, потому – что при жизни он чувствовал одну лишь жгучую боль, рвущую, терзающую всё его нутро. Именно эту боль он столь беспощадно по отношению к самому себе глушил, что есть силы! Он не понимал, за что на него ложится эта боль и со временем он начал задумываться, что он определённо ужасный человек, ведь с хорошими людьми такие вещи никогда не должны происходить. Он начал подгонять себя под происходящую вокруг реальность!

Справедливо!!!

И так оно и было! Это было действительно справедливо, ведь с самого рождения он был светлее каждого человека на земле... справедливо, но не мудро...

Совсем не мудро!

Не каждому человеку жизнь посылает испытания, пройдя через которые он станет ещё светлее, крепче и мудрее! Именно такие планы были у жизни на его счёт!

Он загнал себя в такие дебри, опустился на такое дно, что если ему удастся пройти весь путь, преодолеть все трудности и остаться при этом с тем внутренним светом, который в нем догорает – ему суждено быть достойнейшим представителем человеческой расы!

Он догорал, но он не сгорел...

Он не мёртв!!! Он как никогда жив! Боль отступила... Он, наконец – то, способен вдохнуть полной грудью.

О Боже! Этот свет – как он прекрасен! Как прекрасен мир!!! Рай всегда был рядом, он всегда был внутри!

Нет объяснения происходящему. Нет информации о том, где он вообще находится. Есть колея, которая куда – то ведёт. Стив отправился в путь – невероятно долгий и абсолютно неожиданный для себя.

Много часов спустя парень вышел к деревне. По – крайней мере, теперь понятно, что он на земле. Перебравшись через неглубокий овраг, он выскочил на дорогу.

3

Городская суэта, вечно стоящая особняком, никуда не делась. Никуда не делись и творцы собственного горя. Социум процветает. Очень жаль, что люди не понимают – с их жизнями не произойдёт ничего плохого, если они иногда будут нарушать свои дурацкие правила.

Цветёт и бродяга Филл. Цветёт, конечно, не яркими красками и прекрасными ароматами, а скорее наоборот. Цветёт по-своему, как может, как хочет, но думает он, что хочется ему совсем другого. Для него проще быть жертвой – не нужно бороться.

Грязные обноски, грязное лицо, руки. Грязь под одеждой – старая, вьёвшаяся в кожу. Грязь и внутри. Лишь самому добродушному человеку из всех, кто его знает станет его жаль. Остальные люди лишь иной раз недолго и неглубоко терзают себя тем, что прошли мимо и не помогли ему. У них есть дома, машины, вода из под крана в любой момент, тёплая постель, горячая еда... а кто-то, как, например, Филл, мёрзнет и голодает.

Благо есть в наше время добродушие, но часто оно напрочь лишено мудрости и распространяется совсем не на тех людей, которые его заслуживают. Помогая Филу, люди могут помочь лишь себе, своему сердцу. Дескать, помог бродяге бескорыстно! Есть значит внутри меня ещё что-то светлое. И на этом хорошее от помощи заканчивается. Это самое лучшее, чем могла бы закончиться помощь Филу. Очень часто – почти всегда – на упавшие в протянутую руку деньги бродяга напивался до беспамятства и творил страшные вещи:

В этом же районе, на этой же улице, «живёт» Артчер – полная противоположность Филу, разумеется, за исключением своего социального положения. Несколько раз Артчер находясь в ситуации уж точно не лучшей, чем Фил, умудрялся помогать ему – едой, спиртным, огнём, у которого можно уснуть в пьяном угаре и благополучно после этого проснуться. Артчер всю жизнь работал, не покладая рук, он всегда был и остаётся отзывчивым, добродушным и открытым человеком. Именно эти качества его души и сыграли с ним злую шутку. Если уж подходить к истине вплотную и называть вещи своими именами – люди – плохие, злые, несчастные и порой просто глупые – не покладая рук пользовались добротой Артчера. И вот, когда ему было уже под пятьдесят лет, умерла его мама, о которой он заботился всю свою жизнь, ограничивая себя во всем. Младшая сестра Артчера – та ещё стерва – ссылаясь на то, что брат разбит горем, взялась самостоятельно решать вопросы с наследством. Несчастный не задумавшись дал своё согласие. В результате он уже почти десять лет скитается по улицам и окраинам города. Сестра его умерла через несколько лет после матери от передозировки наркотиков. Дом был аресто-

ван за её многочисленные долги по счетам. Детей, как у неё, так и у него не было. Очередная грустная история. Артчер жил той жизнью, в конце которой точно не должно было происходить ничего подобное, но... это жизнь!

Побеждён, но не сломлен – именно такими словами можно охарактеризовать бродягу Арти. Он не пал духом и сохранил своё сердце таким же светлым, каким оно было всю его жизнь. На нем рваные обноски. Они грязные, как и его лицо, его кожа, но только не душа! Он привык к голоду, холоду, болезням – к каким угодно, но только не к душевным. Его не показывают по телевизору, о нем не пишут газеты. Именно так очень часто и происходит с теми людьми, которые должны стать примером для подражания, но мало кому интересен грязный бродяга. Люди брезгуют друг другом и в более лучших социальных условиях, а о бродяге и думать нечего.

Чаки – так зовут пса Артчера. Такой же беспородный бродяга, как и его хозяин. Простите! Как и его друг! Быть может, спайк в своё время так же был вышвырнут на улицу. Об этом можно только гадать.

Чаки – второй пёс Артчера. Первый у него был уже в низах социального образа жизни. Несколько лет назад. Он нашёл его ещё щенком в одном из мусорных баков пригорода. Несчастное животное было замотано в пакет. Человек, как же ты жесток... если тебе не нужно животное, не обязательно его убивать! Грандиозный триумф бессердечия.

Его звали спайк. Щенок вырос большим псом. Он был исключительно белым от природы, но от города он практически всегда был перепачкан чем зря и становился серым. Его нежная белизна возвращалась к нему всего на несколько недель, после того, как по городу прокатывали стены дождя.

В один из таких дней Артчер завернул в хорошо знакомый ему обитель Филя. Он как знал – жди беды. Нужно посмотреть, что там да как у Филя. Бродяга в пьяном угаре валялся посреди дороги в набирающей глубину луже.

– Поможем бедолаге? – спросил он пса.

Тот в ответ завилял хвостом.

– Значит, поможем. Как же не помочь.

Не малых усилий стоило оттащить Филя под арку. Артчер собрал в бочку пластик из мусорного бака и развёл огонь. Пёс уселся рядом. Вновь занырнул в бак, Артчер достал из него какое – то грязное тряпье, куски картона и ещё несколько пластмассовых канистр. Тепло в виде полуфабриката. Не то тепло, но жизни подбавит и оно.

– Фил, – ударил его по щеке. – Живой?

В ответ послышались стоны.

– Живой, хорошо, – спокойно пробормотал Артчер, возясь с тряпками, накрывая ими второго, чьё тело уже перекантовано на картон.

Дождь оглушительно разбивался об асфальт. Сверкали молнии.

Пёс заскулил.

Артчер посмотрел на него с тёплой улыбкой.

– Ну, чистюля, иди ко мне!

Спайк послушно пересел ближе к своему другу.

– Проголодался – пади? – полез в рюкзак. – Сейчас, посмотрим, что у нас тут в запасах хорошего.

Пёс вскочил на ноги и засунул морду в рюкзак вслед за руками Артчера.

– Ну, погоди, дружок! – пробормотал старик. – Сейчас я всё достану, не мешайся, – рассмеялся хриплым, тихим смехом.

Прокашлялся. Вытер морщинистую руку о штанину, провёл ею по густой, седой бороде и снова залез в рюкзак.

– Держи, – сунул другу кусок хлеба.

Тот радостно принялся за него, виляя хвостом.

Умиление. Артчер понимал, как мало его другу нужно для искреннего счастья. У него на душе становилось тепло от того, что он осознавал свою необходимость, свою важность в глазах друга, который его никогда не предаст. Спайк был не менее важным для Артчера.

Достал половину палки копчёной колбасы, которую он нашёл в одном из баков у продуктового магазина. Сделал несколько осторожных укусов, дабы не зацепиться за колбасу большими зубами, с трудом разжевал и проглотил еду.

– Держи, чаки, – протянул колбасу псу.

Сколько же счастья в глазах собаки! Человек предложил псу отведать испорченную колбасу, а счастья – искреннего, неподдельного – столько, что будь бы оно светом – весь переулочек сейчас же залился бы ослепительно белым теплом. Как же просто человек может дарить кому – то счастье! Не трудно стать творцом света, добра любви..

Как мало нужно для счастья – кусок испорченной, выброшенной, уже никому не нужной колбасы, заправленной хорошей порцией секретного ингредиента – добра с заботой!

Как часто человек становится жесток от нехватки этих чувств. Как легко ему на самом деле помочь! Как просто избежать горя.

Как жаль, что в этом мире что – то пошло не так!

Перекусил, оба легли вплотную к Филу – так теплее. Благо на улице не мороз. Было бы бед сегодня на один вечер.

Дождь не прекращался. В конце улицы машины почти не появлялись.

Вся троица крепко спала.

Совсем недолго.

Громче стихии под аркой разлетелся оглушающий, мерзкий кашель, едва не доходящий до рвоты.

Пёс вскочил первым. Артчер медленно поднялся на ноги.

Фил задёргался.

– Дружище, ты чего? – спросил Артчер.

В ответ вновь хрипучий кашель. Тело извивается.

– Холодно, – сквозь кашель выдавил комок грязных тряпок. – Ног не чувствую.

– Спирт есть? – сказал Артчер и тут же осознал бессмысленность вопроса. У такого подобные вещи долго не хранятся. Всё за раз.

Сунул руку во внутренний карман куртки, Артчер достал найденные недавно на остановке деньги. Сущие гроши, но на водку хватит.

– Посиди с ним, дружок. Я сейчас вернусь, – старик похлопал ладонью по ногам Фила, достал из рюкзака недоеденную колбасу и отдал её разместившемуся на замёрзших ногах Фила другу.

Холодный ливень и не думает прекращаться. Артчер попытался было бежать, но куда там до этого старику. Потихоньку доковылял до ближайшего магазина. Дёрнул дверную ручку. Открыто.

Внутри тихо, сухо и уютно.

– Папаша, тебе чего надо? – из-за кассы его тут же поприветствовал прыщавый подросток, соорудивший, не пойми из чего, вполне понятное высокомерие на лице. – Тут тебе не ночлежка. Проваливай!

Уже давно привыкший к подобным вещам старик пропустил всё услышанное мимо ушей.

– Водка есть?

– А деньги есть? – ответил подросток с ещё большим высокомерием в голосе.

Дрожащими от холода руками старик аккуратно положил на кассу деньги, глядя при этом в глаза продавца.

Голубой, светлый взгляд старика какими – то силами незаметно для парня стер с его лица высокомерие.

Старик шмыгнул носом. Вытер его тыльной стороной трясущейся от холода руки.

Парень молчал.

Артчер ждал.

Продавец, наконец – то перевёл взгляд на горстку монет. Куда – то пошёл.

Под стариком собиралась лужа от стекающего с него дождя.

Послышались шаги. Парень вернулся с бутылкой.

– Но вы же не пьёте.

Дрожь отошла.

– А тебе откуда знать?

Парень опустил взгляд вниз.

– Я вас знаю. Вы мистер Артчер, верно?

Старик продолжал молчать.

– Ваша мама. Это ведь она когда – то работала воспитателем в приюте на окраине города?

Сердце старика забилось сильнее. Он услышал что – то о своей матери от постороннего человека впервые за много лет.

– Да.

Парень поднял взгляд.

– Вы уж простите. Поймите, всякие сюда заходят.

Было так тихо, что шум разбивающихся о пол капель разносился тихим эхом по просторному торговому залу.

– Вот, возьмите. Не знаю, зачем вам, но, думаю, раз уж пришли, то нужно.

– Спасибо, – проронил старик, взяв водку.

– Вот, возьмите ещё.

Парень протянул Артчеру пакет.

– Там немного еды, – парень вновь опустил взгляд под ноги. – И, знаете, что ваша мама делала для меня намного, намного больше.

Старик никак не мог найти слова. Они то и дело срывались с языка. Посилившись, он молча развернулся и направился к двери.

– Подождите!

Парень перескочил через прилавок, подошёл к Артчеру, высыпал в его карман оставленную им на прилавке мелочь.

Старик покинул магазин. Продавец отправился за тряпкой, чтобы вытереть с пола набравшуюся под посетителем лужу.

Дождь лил.

Ветер ревел.

Артчер шёл по городу, находясь при этом глубоко внутри себя. Останься бы он там ещё на какое – то время – быть может, он смог бы встретиться там с чем – то важным, давно потерянным, оплаканным и размытым в образе.

Но раздался тихий, тонкий звук. Скулит собака.

Спайк!

Уличная сырость, холодный ливень, дрожащее от холода тело – всё вернулось в один миг.

Здравствуй, дорогой Артчер. Забылся на секундочку? Ничего, бывает.

Зубастая пасть реальности набросилась на несчастного человека.

Едва переваливая с ноги на ногу пешим шагом, он вдруг побежал – кое – как, сквозь боль.

Скрылся за углом арки.

Видит:

Фил шагает по ту сторону архитектурного сооружения, неся в руке кусок колбасы. Её же, видимо, он смачно жуёт.

Белый комок лежит у бочки, извергающей огонь. Лежит. Просто лежит. Просто белый комок.

– Спайк! – позвал его старик.

Ничего не изменилось.

Страшно даже представить, что он может быть мёртв.

Нет, вздор! Этого не может быть!

Нет, не вздор...

Зубастая пасть реальности зажала ребра сильнее. Она состояла из малого, но очень важного.

Артчер сидит на асфальте, держа на руках белое, пушистое тело пса. В бочке черным дымом дотлевают огарки. Фил отдаляется, растворяясь в дождевой стене.

Знакомство с Артчером. Беглое, но содержательное. Теперь этот человек сидит в переулке – всё так же улыбается, заражая окружающих его людей теплом. Они этого не замечают, сам Артчер не понимает, что он это делает, но он это делает. Сидит между баками, в сыром, загаженном переулке, в загаженном районе загаженного города и сияет на его фоне словно флюид. Горстка флюидов разбросана и тут и там. На столь пожухшем фоне они ярче звёзд на небе. Если, конечно, вы понимаете о чем я.

4

Стивен прошёл мимо бродяги с собакой. Не решившись подняться в свою лачугу через парадную дверь, парень снова решил воспользоваться пожарной лестницей, по которой в последний раз он стремительно её покидал. Обитель, в котором тогда был кто – то ещё.

Гость шёл рядом. Пёс вскочи на ноги, принялся лаять и вилять хвостом. Он ощущал присутствие чего – то сверхчеловеческого. Артчер в этот момент решил, что странное, но хорошее чувство внутри него пришло от проходящего мимо парня. Странно, но по нему так и не скажешь. Как хорошо, что Артчер понимал об обманчивости внешнего вида.

Стивен добрался до города на попутке. Ехать пришлось совсем недолго. Его подобрала пожилая женщина в нескольких километрах от селения, в которое парень выбрался из леса. Дорис – так её зовут. Не то, чтобы Стив интересовался тем, как её зовут, нет, скорее наоборот. Женщина практически не умолкала всю дорогу. За столь короткий путь он узнал о том, что она везёт племяннику подарок на день рождения. Узнал, как его зовут, в какой школе он учится. В какой школе училась она, что ей больше всего нравилось и не нравилось в школьной столовой, какую музыку она предпочитает слушать за рулём и многое другое. От Стива она услышала лишь его имя и куда он направляется, если, конечно, не брать в счёт его сухое «да» в ответ на вопрос – ты меня слушаешь?

Можно сказать, что именно так состоялось его знакомство с человеком. Первое общение с человеком, после перерождения. Стивен не пребывал в восторге от этого события. Да и особо не до того тому, кто не понимает, что с ним не так давно произошло и происходит сейчас. В голове лишь осиный рой носящихся по всему доступному пространству сознания мыслей. Ему страшно. Первая и основная мысль в его голове – передозировка, смерть, галлюцинации. Каким – то образом он оказался в брошенном – а, может быть, и нет – доме. Но что тогда с его телом? Почему он так хорошо себя чувствует, даже если только физически? На этот вопрос ответа нет, как и на вопрос о том, что стало с его ушербным телом.

Передозировка дешёвой наркотой.

Вполне неплохой вариант, самый логичный. Настолько логичный, насколько может сопоставить факты его мозг.

Настолько реальных галлюцинаций не бывает. Он никогда прежде не ощущал такой сильной душевной боли. Его душа была словно оголённый нерв – душа без тела. Беззащитная, слабая, темная душа, не ищущая пути к спасению. Идущая по тропе саморазрушения.

Или ведомая?

Стивен перепрыгивает по две – три ступени за раз. Добравшись до окон своей лачуги, он, неожиданно для самого себя вдруг остановился. Бросил взгляд в разрез проулка, в котором сейчас садилось солнце – точно так же, как оно делало это и много дней, много лет, тысячелетий назад. Ещё тогда, когда самого проулка и помине не было. Солнце окрашивало быстробегающие, по – осеннему холодные облака яркими красками.

Гость стоял рядом, разглядывая закат в отражении глаз Стивена.

Как же красиво!

Так подумали оба, хоть и каждый внёс в эти слова разный смысл.

По телу Стивена пробежал прохладный ветер. Тени вытянулись во весь рост – максимальный, перед тем, как им предстоит раствориться в городской тьме. Их сменяют иные тени – рождённые от руки человека. Бездушные тени.

Пронизанные лучами древней звезды облака переливались всеми оттенками синевы, и только глубокий, насыщенный багровый цвет дополнял небо цветами. Они мятежно мчались по вечернему небу, ища для себя место по – лучше. Они покидали этот город. Пессимистичное мышление Стива заключило так и никак иначе.

На самом же деле они не просто покидали падший город. Да, они оставляли его, но они и оставляли в нем после себя след. Они выполнили свою миссию и направились дальше. Стивен смотрел на них. Он видел мир! В его душе что – то зашевелилось и он испугался давно позабытого чувства счастья. Он не узнал его. Пока не узнал.

Длинным шлейфом растянулась огромная дождевая стена. Об окна лачуги Стива разбились первые дождевые капли. Парень не мог оторваться от столь завораживающего зрелища. Потерянный во времени и пространстве, Стивен стоял на лестничной площадке и после того, как Артчер со своим другом скрылись от дождя под аркой. Артчер уселся на свой рюкзак, пёс уселся на ноги Артчера. Сквозь стену дождя старик почти разглядел силуэт белоснежного, всегда задорного и счастливого друга. Призрачный, эфемерный образ то собирался в почти ясную картину, то растворялся на фоне серебряных капель. Старик закрыл глаза, оперся спиной о кирпичную стену и забылся тревожным сном, в котором слышались странные песни, напеваемые осенним ветром.

Ливень разбивался об окна. Стекла лачуги нашего героя начали отмываться от многолетней грязи. В неплотно прикрытое окно проникал свежий ветер, заменяя собой вонючий воздух. Возможно, что по утру в окна его обители наконец – то сможет прорваться солнечный свет.

Гость улыбнулся. Хороший день позади. Теперь можно оставить парня до утра.

Стив без сил рухнул на грязный матрас и забылся сном.

Гость тихо вышел через парадную дверь. В его кошачьем взгляде – при полной открытости образа – отражалось мерцание лампы накаливания. Вдруг она взорвалась. Взорвались все лампы с одиннадцатого по первый этаж.

Артчер тихо спал. Дождь понемногу стихал. Воздух стал намного свежее.

И холоднее.

Пёс грел друга, но недостаточно. Кровь остывала. Старик уходил в глубины подсознания всё быстрее и быстрее. Скоро он уйдёт так далеко, что потеряет тропы, по которым можно будет вернуться обратно. Если бы его кто – то разбудил...

Гость остановился. Грязный бродяга умирал. Пёс тихо спал. Вдох – выдох.

Старик прожил не самую лучшую жизнь – лишился всего, помогая ближним. До конца оставался добрым, светлым человеком. Шёл по жизни с улыбкой на лице, ни взирая ни на что. Гость думал и не понимал, как в этом мире люди имеющие такие внутренние качества, такие светлые души вот так вот запросто замерзают в грязных переулках? За ними целые истории – увлекательные, пусть и тяжёлые. Как просто сжечь прекрасную книгу только от того, что её обложка неприглядна. Большой, плохой мир.

Дождь прекратился. Облака покинули небеса так же быстро, как и закрыли их. Замерцали звезды, тьма перестала быть абсолютной.

А когда – то ведь звёзд не было. Была лишь тьма. Получается, что свет побеждает.

Быть может Артчер встретился на пути Гостя неспроста.

– Проснись, – прошептал Гость.

Пёс тихо заскулил. Артчер и не шелохнулся.

Гость подошёл ближе.

Его крылья вырвались из-под мантии.

Пёс открыл глаза. Издав тихий рык.

Кошачий – будет называть его так – взгляд Гостя пал на животное. То в миг притихло, прижалось к другу всем телом.

– Проснись! – повторил Гость.

Никаких изменений.

Может, слишком поздно?

Гость сел на колени рядом с остывающим телом. Пёс молча глядел ему в глаза, не издавая ни звука. Крылья обогнули Артчера и пса. В импровизированной палатке в мгновение стало теплее. Вскоре стало жарко, ещё позже невыносимо жарко.

Старик зашевелился, застонал. Открыл глаза. Пёс лежал неподвижно.

– Спишь? – брякнул Артчер.

Жарко. Жар. Видимо температура поднялась. Угрозидо же его заболеть в такую непогоду. Известное дело, какой риск, если учесть все обстоятельства.

Старик поднялся. Ощущения вполне ничего, вроде здоров. Почему тогда так жарко?

Пёс не спит. Уставился куда – то и не шевелится.

Гость показался. Медленно, будто прорастая из воздуха начал прорисовываться и уплотняться его силуэт. Тут – то Артчер и проснулся окончательно, даже не от теперешнего сна – проснулся от всего бывшего, как только увидел Гостя, его глаза, его крылья.

– Господи, – прохрипел старик.

– Не совсем, – ответил ему звенящий хрусталём голос.

Воздух начал терять свою прозрачность. Он окрасился в огненные цвета. Он горел, но не обжигал. Это было приятное, окутывающее тепло.

Разогретый воздух поплыл. Поплыли и крылья, поплыл Гость. Артчер почувствовал головокружение и подступающую к горлу рвоту. В его уши ударил тонкий звон. Отстранённый, чужой, инопланетный гул, откуда – то из глубины вселенной. Он прошив собой каждую клетку тела старика. Разложил его тело на атомы, сделал что надо и собрал обратно.

Всё вдруг стихло. Снова стало темно.

Артчер открыл глаза:

Никого нет. Только он и чаки.

И дождь, вновь набирающий силу.

Гость не хотел разбудить умирающего старика, Гость не хотел тревожить его прекрасный сон, в котором он растворялся в темноте, которая становилась всё гуще и гуще. Он уже практически прикоснулся к ушедшим, ожидающих его там людям. Он даже почувствовал заветный покой. Катарсис позади...

Но Гость знал, что сегодня Артчер не должен умереть. Нет, слишком уж рано решили его прибрать. Для него отведена особенная роль. Этот старик ни в коем случае не сгинет вот так просто, раз и нет, ни следа, ни слова, ни доброго имени. Многие заслуживают большего, но Артчеру это ноша уж точно по плечу.

Дождь падал каплей за каплей. Бомбардировка улиц малым, но верным снарядом.

Вокруг снова стало холодно, изо рта пошёл пар.

– Нет... – рыдая, выдавил из самой глубины светлейшей души человек.

Его муки практически были окончены. Он почувствовал это. Как же всё оказалось жестоко. Ему дали попробовать на вкус его лучшие времена – ушедшие, обратившиеся в пепел – и в тот же миг забрали их обратно.

Это могла быть мотивация, это мог быть и жесточайший катарсис.

Артчера скрутило. Его рвало от этого мира. Он покинул его всего – то на какие – то секунды, за которые он успел забыть все его составляющие, и тут он снова здесь. Отвратительное состояние.

Трущобы в открытом космосе!

Сквозь шум дождя душевные крики старика разлетелись довольно – таки далеко, но их практически никто не услышал, а те, кто услышал предпочли сделать вид, будто ничего не было. Социум процветает.

Большая прогулка

1

Гость шёл по городу. Ночь полна. В его нос врезался сырой запах осени, состоящий из опавшей листвы, пожухшей, но в большинстве мест всё ещё зелёной травы и осенней депрессии человечества.

Были и те, кто не сдавался. Мир прекрасен и никаких гвоздей!

В основном это были молодые влюблённые, любящие своих детей родители и обычные представители общества, обладающие природным иммунитетом ко всему яду, что разлит повсюду – от собственной головы до экранов телевизора. Спектр невероятно широк.

Автомобили вспенивали лужи. Из торчавших на каждой крыше труб валил то пар, то едкий дым. Кто – то укладывал своих детей спать, читая им сказки...

А кто – то укладывал детей спать, добавляя в их молоко снотворное. Кстати, не особо изощряясь с его дозировкой. Цель одна – тишина. Ребёнок на руках, маска жалости... протянутая рука...

Другой мир, за гранью сознания.

С наступлением темноты жрицы любви сменили священников. Некоторые из этих священников сегодняшней же ночью не откажут себе в компании проституток.

Город засыпает – просыпается...

Монстр! Единый, но с множеством лиц.

Зло рыщет по темным переулкам города.

Парень передаёт другому наркотики в обмен на перепачканные кровью деньги. Ни того, ни другого совершенно не волнует краснота человеческих жил поверх бумаги.

Где – то раздался выстрел, где – то тьму на долю секунды разоружил блик лезвия. Ещё одна жизнь оборвалась.

Выйдем из темных переулков и заглянем в самые представительные апартаменты города. Обычно именно в таких местах совершаются самые аморальные, масштабные и изысканные в ужасе поступки. Чем больше возможностей имеет человек – тем больше в его руках возможности сделать плохо другому.

Гость продолжал идти вдоль бордюра – стремительного русла грязной реки, которая переносила прекрасные в своей красоте листья в подземный мир...

Кто я?

Интересная мысль влетела в голову Гостя. Он никогда прежде здесь не был, первое время его воротило от этого ужасного для него места, но теперь он находит его не столь уж плохим – более того, в некоторых моментах оно ему очень даже нравится. Исправить пару – тройку вещей и даже этот город станет невероятно красивым, даже по мерка Гостя.

Странное чувство... какая – то светлая грусть.

Ностальгия?

Это невозможно.

– Нет, – проронил воздух голосом Гостя.

Он продолжал идти.

Запахи становились всё насыщеннее, ночная прохлада становилась чище и чище. Дома поредели. Гость покидает город.

Пару – тройку вещей. Снести этот город и отстроить его заново? Сделать его светлым, просторным? Нет в этом никакого смысла. Запусти в него людей и результат не заставит себя долго ждать. Первое время всё будет идеально, позже им станет скучно. Кто – то придумает, как можно на этом заработать. Родится идол, культура, мораль...

Город стонет, как падающий зверь.

Как порочен человек.

Простите, не совсем.

Не каждый!

Звезды разгораются на проглянувшем сквозь невидимые в ночи тучи. Столько тьмы, но свет есть. Даже там.

И даже здесь.

Город остался далеко позади. Ночной лес – древний, мистический обитель разного рода существ. Людей в нем нет. Прекрасный мир!

Небо окончательно очистилось от тяжёлого осеннего свинца. Набирающая пик луна залила своим светом всё доступное для того пространство леса. Всё наполнилось энергией природы. Воздух буквально зазвенел – едва слышно, едва уловимо, но очень мощно.

Дух захватывает, хоть ты и не прыгаешь, не летишь... достаточно просто быть здесь в нужный для этого момент, рядом с нужными существами.

Древними, мистическими.

Как они ужасны!

Гость взобрался на холм. Вдали виднеется ночное освещение города, которому и сейчас нет покоя. Он будто раб, не имеющий права на отдых.

Почему я так на них похож? Почему в нашей внешности так много общего?

Усевшись на кротовой кочке, поверх которой давно проросла трава, Гость продолжал терзать себя мыслями.

Ничего толком о себе не знающий, ничего и никого не имеющий, идущий по указанному направлению...

Горько, ужасно горько внутри.

Гость взглянул на свои раскрытые ладони:

Луна окрасила кожу в синие тона. Казалось, прикоснись к ней влага и ей сразу же предстоит превратиться в лёд.

Холод снаружи. Внутри огонь.

Почему я так похож на выбранного мною человека? Почему я сопереживаю ему? После всего, что он натворил!

Гость знал ответы на все свои вопросы. Он прекрасно помнил для чего он здесь, но он не понимал, почему ему кажется, что он здесь уже был.

По склону медленно пополз звенящий туман. Схватил синеву лунного света он обрёл дух. Медленно, но, верно, он подобрался к Гостю со всех сторон. Туман окутал его, он растворил его в себе всецело. Слезы на лице Гостя также стали частью тумана.

Незыблемая ночь. Волшебная ночь. Странная ночь, которая не давала покоя кое-кому ещё.

Стивен растворился в темноте комнаты, темноте улицы, темноте ночи. Лишь едва уловимый лунный свет только – только проглянувшей сквозь холодные тучи легко освещал его чистую кожу. Теперь одно лишь его присутствие в собственной лачуге каким – то образом делала её чище.

Парень лежал неподвижно, смиренно, но душа его была за пределами этого мира. Волшебный, разнообразный мир снов – кому – то он дарит крылья, а кому – то трагедию. Кто – то гуляет в нем со своими мечтами, кто – то бежит в нем от своих демонов. Кто – то сам демон, гонящийся за своей жертвой.

Утро смывает всё без остатка. Это истина, но, как бывает, и она не всегда чиста.

Кто – то уносит что – то из этого мира в мир снов – намеренно, чтобы оставить это там и потерять навсегда. Кто – то там что – то прячет и жаждет вновь погрузиться в этот мир, чтобы вновь и вновь прикоснуться к тому, чего нет в реальной жизни. Кто – то приносит оттуда что – то за собой – светлое и не очень.

Как сладка ночь, как горько утро.

Какая ужасная ночь, какое прекрасное утро.

Прекрасное?

Чёрная птица мелькнула перед распахнутым окном. Стивен моргнул. Нет ни окна, ни птицы.

Колея. Колосющаяся пшеница с умиротворяющим шелестом раскатывается на тысячи метров морскими волнами. Пахнет хлебом. Чистое небо не мешает солнцу легко ласкать кожу парня, который стоит с широко распахнутыми глазами и дивится прекрасной мирской жизни.

Кто он?

Стивен не узнает его, но он так знаком, так близок...

Солнечный свет слегка преломлялся от тонкой испарины исходящей от земли. Светлые волосы юноши подхватывал лёгкий ветер. Белая рубаша то вздувалась, то прижималась к совсем ещё юному телу.

В груди забылось что-то сильное, очень светлое и полное жизни. По всему телу прокатилась волна тепла. Стивен глядит на этого парня и чувствует с ним родство.

Кто он?

Только Стив собрался сделать шаг в направлении незнакомца, как понял, что у него нет ног. Нет рук. Нет вообще ничего. Он просто видит эту прекрасную картину со стороны.

Он – нематериальная сущность, просто присутствующая здесь и сейчас.

Картина становилась все теплее, светлее. Ярче. В какой – то момент тёплый свет окутал всё вокруг. Слышится тонкий гул.

За ярким светом пришла тьма.

Сырость ударяет в нос. По коже от холода побежали мурашки. На сей раз они есть. Они овладели всем его телом.

Теперь Стивен может и должен почувствовать на себе *кое-что* всеми доступными для того средствами.

Он в большом помещении. Сквозь толстые стёкла его небольших окон, под самым потолком, пространство заливается тусклым зелёным светом. Из дальней части помещения доносятся звуки. Точно шум птичьих крыльев, бьющихся обо что – то.

На противоположной окнам стене пляшет тень – тёмная, быстро перетекающая из одной непонятной формы в другую.

Будто бабочка в банке.

Подойдя поближе, Стив начал всматриваться в необычно высокое и непропорционально узкое для помещения окно. В него билась чёрная птица.

Как она вообще суда попала?

Как – то же попала! Значит, как – то сможет и выбраться.

Парень осмотрелся по сторонам – пустой полумрак повсюду.

Птица продолжала наносить себе бессмысленные увечья.

– Кыш!

Его тихий возглас был едва слышен за шумом птичьих крыльев. Тут парень решил отыскать какой-нибудь камень и попытаться разбить им окно. В без малого полной тьме под ногами он начал изучать пол в поисках хоть чего-нибудь тяжёлого. Рука тут же встретила какой – то предмет. Стив поднял его.

Тело сковало.

Шприц.

Стив выронил его. Он беззвучно канул в поднимающуюся от пола чернеющую тьму. Парень попятился назад. Тьма поднималась всё выше и выше. Ухватиться не за что, взобраться некуда.

Стивеном овладела паника. В его глазах отражался дикий ужас!

Чёрная птица отлетела от окна и стремительным броском ударила лицо Стивена когтистыми лапами. Он упал в сгусток плотной темноты. Падение затянулось. Пола под ногами не оказалось. Он вдыхал и выдыхал чернь в свободном падении, слыша лишь собственный крик с фоном в виде отдаляющегося воронёного карканья.

Новый день

1

Рассвет. Сквозь вымытые ливнем окна в помещение попал солнечный свет. Преломлённый оконным стеклом, он лёг на лицо Стивена едва уловимой радугой.

Парень поднялся. Сидя на матрасе, он осматривал своё жилище. Он всегда воспринимал его как должное, никогда не обращая внимания – так как было всё равно – на тот беспорядок, который копился здесь его усилиями долгие годы. Сегодня утром всё изменилось.

Держащиеся кое – как обои давно пропитались вонью, грязью и табачным – и не только – дымом. В каждом углу по доброй паутине, набравшей на себя летающий в воздухе мусор. Вряд – ли в этих углах ещё остались пауки. Здесь, наверняка, не было и крыс, так как житье им здесь было абсолютно нечем.

Над матрасом часы с давно остановившимися стрелками.

Без четверти девять.

Утро или вечер – давно растворившаяся в днях истина.

В своё время Стивен не отнёс и их в ломбард только от того, что денег за них не выручить, а проваливая в свой адрес он мог услышать много где ещё – часы остались висеть на стене.

– Какое ужасное место, – прошептал парень, оглядывая помещение "очистившимся взглядом".

Встав на ноги, он пошёл на кухню. Открыл окно и там. В помещение ворвался относительно свежий воздух утреннего города. Кожа приняла на себя леденящий ветер. Через квартиру пошёл сквозняк. От него не стенах затрещали некоторые обои.

Разум не в силах проанализировать и чётко расставить по местам все события минувших дней. Неужели у него была передозировка? Всё случившееся – галлюцинации? Вплоть до сегодняшнего утра?

Но я же принял на себя столько, что летальный исход был неизбежен!

Вот это повезло, так повезло!

Но!

Что случилось с телом? Куда делись шрамы? Следы от укусов? Зубы, волосы – как новые! Откуда на нем эта одежда?

Смутные обрывки всплывали в памяти, но они выходили из ряда вон. Это всё не могло быть реальностью! В реальности такие вещи не происходят!

Происходят, но не в той реальности, в которой он находился до прихода Гостя.

Там был кто – то ещё! Стива вдруг нагнало новое воспоминание. Какой – то человек. Или не человек...

В голове очередной сумбур. Нужно отвлечь себя от этих мыслей.

Что за свинарник? Как здесь вообще можно жить?

Несколько последующих часов после пробуждения Стивен – поражаясь самому себе – яростно наводил порядок в квартире применяя для того все доступные ему средства – вода, рваная футболка, доживающий своё время веник и кусок мыла. Имея в арсенале довольно скромное количество единиц, он выжал из действий максимум. Последний раз он видел квартиру хотя – бы в таком состоянии... и не вспомнить, как давно.

Завершив уборку, он вновь остался наедине со своими мыслями в довольно опасной близости. Очередной сумбур набирал силу.

Стивен простоял у окна с четверть часа. Сегодня на улице как – то по-особенному хорошо. Нужно выйти, развеяться.

На сей раз, он спустился, как подобает нормальному человеку.

Окунувшись в общество, он, впервые за долгое время почувствовал себя в движении со всем происходящим вокруг. Отчасти для него это было новое чувство – как сильно он его позабыл.

Мир бурлил:

Октябрь стоял необычайно тёплый, хотя воздух и был насыщен уютной – понимаете, о чем я – сыростью и прелестями ароматов осени. Город дышал. Долгожданная прохлада, заслуженная свежесть ворвалась в него, словно давно ожидаемое счастье для девушки, заточенной в высокой башне. Листья медленным вальсом кружили над тротуарами и газонам. Какие-то вполне счастливые с виду люди фотографировались на слегка затуманенном фоне ярко – красных деревьев, позади которых проглядывали серебристые от набравшейся внутрь кирпичей влаги стены старых, ценных по архитектурным критериям зданий. Патио у кафе по другую сторону дороги не имели свободных мест. Машин на дорогах практически не было. Редкое явление.

А он не так уж и плох, этот мир! Неужели я всегда жил в окружении всего этого? Внутри, в самых гуще повседневных событиях! Какое кощунство! Какое я имел право пренебрегать всеми этими красотами?

Первая мысль Стивена за столь долгое время. Будем честны – первая светлая мысль парня за очень долгое время.

Прогуливаясь вдоль дубовой аллеи, ступая ногами по каменному тротуару, Стивен вдруг почувствовал.

Он что – то почувствовал...

– Как здорово, – выдал из себя, остановившись и открыв рот.

Эйфория, ностальгия, далеко, позабытое воспоминание, принёсшее счастье.

Лёгкая морось приятной прохладой легла поверх кожи рук. Всё вокруг живёт, бурлит, дышит!

Но мы – то знаем, что жизнь была ключом каждый день. Просто сегодня кто – то подключился к этой вселенской энергии.

Проходя мимо очередного кафе, Стив уловил в воздухе запах еды. Организм тут же завёлся, требуя всего и сразу. Сунул руки по карманам, он почувствовал в них что – то похожее на деньги. Одежда не его, деньги, разумеется, тоже. Будь бы карманы и пусты – из своего ему находить было бы нечего.

Вполне рядовое кафе. Колокольчик исправно сработал при открытии двери. Внутри какофония людских голосов. Тепло, сухо. Очень уютно, особенно у окна – всего в нескольких миллиметрах стекла от осени.

Подошла молодая официантка.

– Доброе утро!

Стив неожиданно для себя растерялся, замешкался. Улыбка девушки слегка ослабла.

– Доброе.

– Вам принести меню или вы закажете что – то сразу? – спросила она, попутно наливая парню ароматный кофе.

Стивен вновь оказался в ступоре. Кажется, что он никогда не был в подобных заведениях, в подобном окружении, где есть место вежливости в его адрес.

Думая, Стивен заглянул на соседний столик, на котором красовалась яичница с беконом, картофель и какой – то суп.

– Я бы хотел яичницу, картофель и любой суп, на ваш вкус, – на большее в этот момент его не хватило.

– Ожидайте, – тепло сказала девушка и вновь улыбнулась со всей искренностью.

Бумага с заказом отправилась по адресу.

Волнительный миг. Кофе на столе. Парень ведёт себя так, будто он никогда прежде не пил этот напиток. Он на грани какого-то важного открытия, персонального достижения.

Взял горячую чашку двумя руками, он сделал небольшой глоток.

Лицо тут же выразило удовлетворение.

– Как вкусно! – проронил он в чашку, тут же покосившись по сторонам.

Сделал ещё глоток, и ещё.

Парень не видел взглядов некоторых посетителей.

Да, этот парень либо до этого момента пил какую-то бурду, либо он вообще никогда прежде не пробовал кофе – вот что читалось поверх лиц тех людей, что на короткий миг аккуратно уставились на него.

И это имело место быть! Парень действительно именно так себя и вёл.

Девушка принесла горячие блюда.

– Вот ваш суп. Надеюсь, что вы оцените мой вкус, – добавила она слегка неловко. – И аппетитная яичница. Приятного аппетита, – девушка тут же отправилась к очередному столу.

Он оценит вкус, безусловно!

Невероятно вкусно. Невероятно приятно чувствовать сытость. Всё точно будто впервые!

Поедая невероятно вкусный завтрак, чувства восторга нашли себе место быть. Продлилось оно недолго.

Отвлечение от *тех самых* мыслей стало ослабевать.

В голове вновь, один за другим стали набирать силу вопросы. Главный – что происходит? За ним – страх! Вдруг этого всего нет на самом деле! Что если он сейчас попросту очнётся на лестничной клетке под той самой дверью?

Вдруг всё вокруг сейчас вспыхнет пламенем и за ним собственной персоной явится люцифер?

А, может быть, всё просто исчезнет. Абсолютно всё. Даже свет и мысли.

Страх...

Стивену не скрыться от этих вопросов. Единственное пришедшее в его голову средство для решения задачи – отправится туда, откуда он начал этот так странно повернувшийся в совершенно неожиданное русло путь.

Известный адрес, известная квартира. Быть может там он сможет что-нибудь разузнать. Его наверняка видели, а, может быть, с ним даже кто-то был.

Был, но он никогда бы не поверил в то, что с ним был не утопающий в наркотическом омуте человек.

Спустив несколько часов на пешую прогулку от кафе к пункту "Б", Стивен разволновался ещё больше. Более того, его начало давить отвращение к району города, в котором он сейчас находится. Нужный дом – точно неведомая энергия, чувствуя которую вся природная сущность парня горит красными приборами, издаёт предупреждающие звуки, кричит ему – беги отсюда.

Стоило бы так и поступить.

Но...

Вопрос был открыт. Жажда поучить ответ, хоть какой – то, губила без остатка.

Сплошь тишина, за исключением приветствующего Стивена в этом ужасном мире трещащего скрипа стальных петель.

– *Как я вообще мог здесь находиться?* – задался он вопросом.

Собрал силу воли в кулаки, он перешагнул порог. Растворился в темноте.

Нажал на кнопку. Где – то высоко лифт издал грохот и направился вниз.

Река Стикс...

Пасть открыта. Жертва добровольно входит в неё. Теперь никуда не денется.

Тускло – жёлтый светильник омертвлял воздух, которым нужно было дышать. Воздух даже пах соответственно этому состоянию. Он растекался в лёгких вязкой субстанцией, отравляя здоровое тело по – хлеще любого табака. Стивену даже начало мерещится головокружение. Оно действительно было, едва уловимое, но было оно вовсе не от того, что ворвалось в его лёгкие.

Огонёк до странного медленно перескакивал с кнопки на кнопку. Стивен ждал.

Минута, вторая... наконец – то...

Пасть открылась. Стив буквально выбежал из не такого уже и страшного лифта, двери которого тотчас тихо закрылись. Он остался без движения, ожидая очередного человека, требующего переправы.

Здесь тихо. Нет знакомой до истомы вони, именно той, несравнимой ни с чем другим.

Дверь приоткрыта. Она зажала какой – то лист бумаги между собой и полом. Тот легонько покачивался от сквозняка.

Стивен выдернул его:

Детский рисунок. Неровный, тонкий человечек, стоит под стаей птиц, похожих на ворон.

Детский ли это рисунок, или, что более вероятно, попытка перенести на бумагу видение наркомана, когда – то побывавшего в этой квартире?

Квартире? Простите! Оговорился.

Обратите внимание, что первая мысль была всё же такова – детский рисунок. Мышление парня уже даёт хорошие сигналы.

На обороте ничего, кроме вмятостей и грязных пятен.

Стив бросил лист на пол и толкнул дверь вперёд.

Внутри никого нет.

Длинный коридор, заканчивающийся распахнутой дверью – той самой, красной дверью – ведущей к некогда существовавшему оазису. За дверью комната с распахнутым настежь окном. Приглядевшись, Стивен увидел, что никакого окна нет. По контуру рамы недлинными обрывками на ветру треплются куски полиэтилена, которым, видимо, когда – то было заменено стекло. Под ногами пустые бутылки, окурки, лоскуты бумаги, обвалившиеся со стен обоев и, разумеется, шприцы. В комнате было несколько покосившихся наборов, давно разбухших от влаги стульев. Стол точно подкосился на двух ножках и упёрся одним краем в пол. Под ногами стекло, куски штукатурки, птичий помет.

– Что за чертовщина? – задался вопросом парень.

Он пришёл сюда за ответами, а в итоге он получил ещё больше вопросов.

Выглянул в окно – над землёй лёгкая пелена. С такой высоты туман набрал плотность.

Куда делась вся эта империя? Как она смогла буквально развалиться за столь короткий отрезок времени?

На лестничной клетке послышалась возня.

Парень поспешил на шум. У окна курил рослый, чернокожий мужчина. Стоит себе в трусах тапках и белой майке, дымит папироской и глядит поверх парня вопросительно и укорительно одновременно.

Стивен начал:

– Здравствуйте.

Мужчина кивнул.

Стивен заглянул в распахнутую дверь "обители", снова повернулся к мужчине.

– Что здесь произошло?

– Ты коп? – дерзким басом выпали здоровяк. Слова вылетели из его рта вместе с густым дымом.

– Нет, нет.

Второй прищурил взгляд и наклонился вперёд, точно пытаясь как – можно сильнее зацепиться за взгляд Стива.

– Так какого хрена ты здесь потерял? Наркоту ищешь?

– Нет, – в который раз повторил Стивен.

– Всё, лавочка прикрыта. Год как съехали отсюда эти уроды! Знать о них ничего больше не хочу. И слышать о них, и видеть их!

– Год назад?

– Год назад? – передразнил его мужчина. – Да, год назад, и жаль, что не раньше.

Год назад!

– Собрался здесь гадюшник отборный! – продолжил мужчина. – Сколько передохло торчков этих грёбанных в этой квартире! Последнего вообще изувечили со вкусом! Разорвали на куски и в мусорный бак вышвырнули. Будь бы моя воля – я бы с каждым так и поступил!

Разорвали на куски, мусорный бак. Год назад.

– Что?

– Ты что, мать твою, под кайфом? А – ну вали отсюда, пока я тебя по лестнице не спустил кубарем. Не дай бог вам всем здесь ещё появиться! Кому говорю – проваливай.

Стивен выдержал на разошедшемся мужчине холодный взгляд, подошёл к лифту. Пасть открылась. Обратная поездка по реке Стикс. Небывалое событие.

– Вот урод! – выкрикнул мужчина перед тем, как что есть сил захлопнуть за собой дверь собственной квартиры.

Стивен вышел на улицу и пошёл быстрым шагом без оглядки. Сегодня он нигде не найдёт покоя.

2

Как можно предположить, что не в доме дело, так можно предположить, что и не в человеке. Обитель был обителью ровно до того момента, пока в нём было кому обитать. Теперь он точно мёртв, но очищен. Он никогда не был чем – то плохим – плохим его делали люди, а он был обыкновенной квартирой каких на свете миллионы. Предположим, что так и с человеком. Априори он хороший, чистый и невинный, он имеет все шансы стать собственностью лишь себя самого. Быть невероятно индивидуальным и неповторимым. Проходит время и в нем пробуждаются гены родителей – индивидуальность начинает уменьшаться. Затем он оказывается в определённом круге общения – индивидуальность уменьшается. Он повсюду сталкивается с навязыванием, нравоучениями, запретами, обязательствами – кем – то придуманными вещами, которые нужны не ему, а кому – то другому, либо, что ещё смешнее, уже вовсе никому не нужны, а имеют место быть лишь от привычки, зависимости, но, несмотря на это, продолжать исправно работать. Невероятно трудно двигаться в желанном направлении, когда тебя постоянно сбивают с пути внешние факторы.

Чистейший человек начинает пачкаться обо всё подряд. Психика меняется, убеждения меняются, вкусы, запреты, обязательства, желания...

Мы – ферма, в которой мы выращиваем таких людей, от которых позже мы стараемся держаться как можно дальше. Мы выращиваем самих себя такими, какими нам быть не хочется и виним при этом в своих бедах кого угодно, но, конечно же, только не себя.

Выращиваем, делая себя слабее. Делая себя слабее – мы делаем себя уязвимыми перед пороком. Стоит ему проникнуть внутрь человека – он овладевает им без остатка. Пользуется им, словно паразит. Когда носитель умирает – он отправляется на поиске очередной жертвы в виде качеств, нравов и прочих составляющих "плохого человека". Остаётся лишь тело – измученное, получившее свободу, нашедшее смерть. Теперь мы видим его в истинном, не заражённом свете. Вот каким оно было от рождения и до самой смерти. Истинное лицо.

В размышлениях о подобных вещах невольно и неожиданно приходит совершенно не желаемый, но имеющий до приторно сильного вкуса правды вывод, что в мире нет истинного человека, настоящего, такого каким он был, когда – то очень давно.

Кто мы?

Дом очистился. Он свободен. Он медленно погибает, радуясь подобному положению вещей. На раму «распахнутого настежь» окна села чёрная птица. Оглядел пространство, она обнаружила в нём ещё одну душу, плотно слившуюся со стенами. Птица улетает, крепко схватив её когтистыми лапами. Она доставит душу туда, где ей положено быть. Она была последней из всех тех душ, что вырвались из своих тел в этом финальном месте. Вряд – ли она могла думать о том, что всё закончится именно так. Мало кто находит в себе силы как следует задуматься о подобных вещах, а те потом они просто случаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.